

18+

Конец - это лишь передышка перед началом

Лечение ОТ ЖИЗНИ

Том 2

ДАРЬЯ ОСИПОВА

Дарья Осипова

Лечение от жизни. Том 2

<https://litres.ru/74400964>

ISBN 9785007107686

Аннотация

Представьте, что вам выпал шанс попрощаться с умершим родственником. Что вы испытаете?

Дать человеку возможность проститься с любимым, который уже отбыл в мир иной — это благо или нарушение всех космических законов? Александр Туманов считает, что так быть не должно, и вновь пытается разобраться в мистических хитросплетениях жизни.

Вдобавок он стремится помочь бывшей жене, столкнувшейся с психологическими трудностями, и найти убийцу знакомой, в свидетельстве о смерти которой значится суицид.

Содержание

Глава 30	5
Глава 31	10
Глава 32	26
Глава 33	38
Глава 34	50
Глава 35	72
Глава 36	83
Глава 37	98
Глава 38	110
Глава 39	124
Глава 40	136
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Лечение от жизни. Том 2

Дарья Осипова

Любовь — это чувство...

© Дарья Осипова, 2026

ISBN 978-5-0071-0768-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-0769-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 30

Почти три месяца назад

Шаги гулко разносились по коридору больницы. Здание, построенное в начале двадцатого века, сохранило в себе дух построек того времени: высокие потолки, толстые стены, наполовину побеленные, наполовину покрытые бежевой краской. Казалось, что даже ремонт здесь сохранился с дореволюционных времен.

В коридоре было тихо, посторонние сюда не заходили. И лишь Роман Наварский, воспользовавшись служебным положением, смог попасть в реанимацию одной из больниц города. Одетый в белый халат темноволосый мужчина шел за главным врачом больницы, глядя в пол.

— В каком он состоянии? — спросил Наварский.

— Крайне тяжелое, — хмуро ответил врач, высокий полноватый мужчина лет пятидесяти. — Семь ножевых ранений в брюшную полость, повреждение паренхиматозных органов...

— Каких?

— Паренхиматозных: селезенка, печень, — пояснил врач так, словно перед ним нерадивый студент.

— Печень, — задумчиво повторил Рома, — это же очень опасно.

— Удары ножом в живот в целом очень опасны, ваш друг потерял много крови.

Наступила тишина, нарушаемая лишь шагами мужчин.

— Он выживет? — как-то отрешенно спросил Наварский, который будто не до конца понимал, что Саша находится в коме на грани жизни и смерти.

— Шансы очень малы, — выдохнул врач. — То, что он до сих пор жив, кроме как Божьим промыслом, не назовешь. У него уже три раза останавливалось сердце.

Главврач остановился у одной из палат и, глядя на следователя, произнес:

— Мы пришли!

Рома уже понял, что этому мужчине в белом халате очень не нравится, что Наварский пользуется своим служебным положением, чтобы пройти к другу. Рома не любил наглость и сам не обладал этим качеством, но сейчас он был готов на все, чтобы увидеть Туманова, возможно, в последний раз.

— Роман Константинович, если кто-то узнает, что я пустил вас в отделение реанимации..., — начал главврач, но следователь прервал его.

— Алексей Иванович, Саша — мой лучший друг с детства. Ближе у меня лишь родители, и больше никого. И перед произошедшим несчастным случаем мы с ним здорово поругались.

Лицо главврача начало разглаживаться, а Рома продолжал:

— Вы сами говорите, что он может не выкарабкаться. А я в этом случае уже не успею с ним помириться. И я воспользовался своим служебным положением, чтобы, возможно..., — Наварский замолчал, не желая произносить это вслух, но все же пересилил себя и закончил, — ... попрощаться с ним.

Алексей Иванович понимающе кивнул и уже собирался открыть дверь, как вдруг Наварский добавил:

— Только у меня есть одна просьба. Никто не должен знать, что я был здесь. Особенно семья Туманова.

— Уж за это можете не переживать. Вас здесь вообще быть не должно. Если кто узнает, с меня голову снимут, — ответил Алексей Иванович и потянул дверь на себя.

Рома зашел первый, врач следом. Следователь замер у самого входа, глядя на тело Туманова, к которому тянулось бесконечное количество трубок. Невыносимо громко пищали аппараты, сообщавшие, что пациент жив. Рядом сидела молодая медсестра с книгой, но Наварский не обратил на нее никакого внимания. Он лишь смотрел на тело своего друга.

— У вас есть десять минут, — произнес Алексей Иванович, — надеюсь, вам хватит?

Рома кивнул и, не отрывая глаз от Саши, спросил:

— Можно мне остаться с ним одному?

— Да, — ответил врач и сделал знак медсестре, чтобы та вышла из палаты.

— Только ничего не трогайте, — предупредила девушка в белом халате, и Наварский согласно кивнул.

Медработники вышли в коридор, а Рома медленно подошел к другу. Бледное и исхудавшее тело Саши лежало на кровати, и если бы не все эти аппараты, то могло показаться, что Туманов уже мертв. В горло шла трубка от аппарата ИВЛ. Другой аппарат отслеживал сердцебиение.

Наварский встал возле Саши и в какой-то прострации смотрел на представшую его глазам картину. Мозг отказывался верить в то, что это лучший друг Наварского, и всячески старался защитить своего хозяина от лишних эмоций.

Но что-то внутри было сильнее, и в сознании Ромы начали вспыхивать воспоминания разных лет. Вот они с Сашей сидят за одной партой в школе. Студенческие годы. Первая любовь и первые разочарования, в которых друзья всегда поддерживали друг друга. Совместные праздники, выходные и даже отпуск. Рома и Саша всегда чувствовали себя родными братьями, несмотря на то, что родители у них были разные. Всегда рядом, всегда вместе, всегда плечом к плечу.

Наварский почувствовал, как внутри что-то дрогнуло, словно вскрылся нарыв, и из глаз следователя потекли слезы. Он взял Сашу за его холодную белую руку и сжал ее, не в силах сдержать слезы. Как бы он хотел, чтобы Туманов сейчас очнулся. Как бы он хотел помириться с ним и вновь дружить, как и прежде. Как он был зол на себя и на все произошедшее, что покачнуло дружбу Наварского и Туманова.

Несколько минут Рома простоял в слезах, глядя на лучшего друга и сжимая его руку. Внутри Наварского была огром-

ная дыра боли, от которой следователя начало трясти. Тремор начался от осознания того, что время упущено и ничего не вернешь. И Наварскому до конца жизни придется жить с чувством упущенного времени и пониманием того, что драма его жизни оказалась важнее лучшего друга.

Глава 31

Милана проснулась около десяти утра и несколько минут пролежала, глядя в потолок. Погода была шикарная, самое время поехать за город посмотреть на просыпающуюся природу, но у девушки не было собственного дачного участка, а навестить маму она собиралась в следующие выходные. Да и настроения для веселья тоже не было. Вечернее происшествие после сна казалось чем-то далеким и не существовавшим в реальности. Девушка вспоминала своего отца, которого видела в этой самой комнате, и искренне думала, что ей просто показалось.

Милана повернулась на бок и взяла в руки сотовый. Ей необходимо срочно позвонить Туманову и все рассказать. Он знает, что делать, а если не знает, то обязательно поддержит морально.

Девушка нашла его контакт в телефонной книге и нажала на него. Пошел гудок — один, второй, третий, Саша не спешил отвечать. После пятого гудка Шувалова нажал отбой и положила телефон рядом с подушкой. Было решено умыться, а там, возможно, Туманов увидит пропущенный и сам перезвонит.

— Видимо, уехал с семьей за город, — вслух предположила Милана и откинула одеяло.

Вернувшись в комнату спустя десять минут, девушка об-

наружила, что пропущенных нет, и вновь набрала Сашу решив, что в этот раз будет звонить до тех пор, пока он или Аня не услышат звонок. И вновь никакой реакции, телефон бездушно выдавал гудок за гудком. Шувалова выдохнула и уже собиралась сбросить звонок, как в трубке раздался бесцветный женский голос:

— Алло. Милана?

— Да. Ань, ты? — догадалась девушка.

— Да, это я.

— Саша за рулем? — спросила Милана, где-то глубоко внутри осознавая, что сейчас получит совершенно не тот ответ, который ожидает.

— Нет, — Аня отвечала равнодушно и очень странно. — Его забрали.

— Куда? Кто? — воскликнула Шувалова, глядя в окно.

— К следователю.

— Ничего не понимаю, что произошло? — начиная нервничать, спросила Милана, и в этот момент Аня не выдержала и разрыдалась в трубку.

Следующие несколько минут бывшая супруга Туманова рассказывала Шуваловой, по какой причине забрали Сашу, и что, возможно, больше она его не увидит.

— Он тебе звонил? — нахмурившись, спросила Милана и закурила сигарету.

— Нет, ему не разрешили взять с собой телефон, — всхлипывая, ответила Аня. — Я вообще не знаю, вернется

он или нет.

— Я могу приехать, — внезапно предложила Милана.

— Нет, спасибо. Я хочу поехать к Роме...

— Это который...

— Это который был лучшим другом Саши, а затем решил посадить его в отместку, — жестко произнесла Аня, не веря в то, что Наварский и впрямь способен на такое.

— Может, все еще образумится, и Саша вернется, — попыталась успокоить Аню Шувалова.

— Поэтому я и жду хоть какой-нибудь информации. И если Туманов окажется в СИЗО, я поеду к Роме.

Милана выпустила дым, от неприятной новости у нее тряслись руки.

— С кем оставишь девочек? — спросила Шувалова.

— С мамой. Она обещала приехать.

— Держи меня в курсе, хорошо?

— Да, — ответила Аня и отключилась.

Милана закурила сигарету и, затушив ее, задумалась. Что делать и как помочь Саше? Девушка кусала губы, глядя в окно. Желудок недовольно заныл и заурчал. Он не ожидал, что вместо завтрака получит всего лишь сигарету. У Миланы пропал аппетит, но она чувствовала, что необходимо поесть. В последнее время у нее болел желудок, если она позволяла себе покурить, будучи голодной.

Шувалова уже собиралась начать готовить себе завтрак, но поняла, что о произошедшем надо сообщить еще одному

человеку. Девушка схватила телефон и тут же нашла нужный контакт. Через пару гудков ответил мужской голос.

— Павел Семенович, — нервно воскликнула Милана, — у меня для вас не очень хорошие новости.

Аня звонила в дверь квартиры, в которой была уже много раз. Часы показывали пять вечера, и девушка надеялась, что хозяин дома.

Ждать долго не пришлось, послышался звук открывающегося замка, и дверь распахнулась. На пороге стоял Наварский в черных домашних брюках и белой футболке.

— Аня? — воскликнул Рома, который ожидал подобного развития событий. — Привет.

— Войти можно? — со злобой спросила девушка.

— Да, — кивнул мужчина и пропустил бывшую супругу Туманова в квартиру.

Дверь закрылась, и Аня с Ромой впервые за долгое время увиделись. Оба успели оценить друг друга.

Аня была исхудавшей и бледной. На лице никакого макияжа, под глазами чернота, в глазах недобрый огонь. Волосы забраны в пучок. Несмотря на теплую погоду, Аня была одета в черные брюки, черный топ и сверху черная кожаная куртка.

Уставший Рома уже пришел в себя после произошедшего в конце прошлого года. Было видно, что он вернулся к физическим нагрузкам и сейчас выглядел подкачанным. Но

в глазах было что-то странное, словно следователь давно и плохо спит. Либо его так же, как и Аню, мучают кошмары.

— Ром, ты охренел? — грубо спросила Аня.

— Жизнь с Тумановым не пошла тебе на пользу, ты ведешь себя как он, — спокойно ответил Наварский.

— А что тебе не пошло на пользу, что ты посадил моего мужа? — выкрикнула девушка и тут же мысленно поправила себя:

«Бывшего мужа».

— Ань, он нарушил закон, убил человека, будучи при исполнении, — тоже повысил голос следователь.

— Ты только сейчас об этом вспомнил?

— Да.

— А до этого у тебя была амнезия?

Рома выдохнул и отвернулся.

— Зачем ты это делаешь? — Аня наклонилась, стараясь заглянуть Наварскому в глаза.

— Я прикрывал его делишки все то время, что он работал в органах. Этого мало? — развел руки в стороны следователь.

— Вот именно, а сейчас ты вспомнил об Агееве?

— Да, — внезапно спокойно ответил Рома.

Аня выдохнула и, покачав головой, спокойно добавила:

— Я все знаю про Ларису...

Наварский тут же изменился в лице. Он слышать не мог о своей бывшей девушке и всеми силами старался ее забыть,

словно Ларисы вообще не было в его жизни. И у него это хорошо получалось до этой минуты.

— Я знаю все, что она сделала с вами. И даже знаю, что она говорила тебе, — продолжила Аня, замечая, как глаза Ромы наполняются страданием. — Туманов умеет причинять боль, как никто другой. И в первую очередь от него пострадали все те, кто его любит: я, ты, родители, девочки.

— Как назвали? — внезапно спросил Рома, который хотел перевести разговор в другое русло.

— Кого? — не поняла Аня.

— У вас же родилась дочь, — спокойно напомнил Наварский, который безумно скучал по Лизе и хотел познакомиться с младшим ребенком Тумановых. — Как назвали?

— Алина.

Мужчина кивнул и с грустью добавил:

— Красивое имя.

— Рома, ты должен его выпустить! — продолжала настаивать Аня.

— Нет, — отрицательно покачал головой следовательно.

— Сашины поступки задели всех нас рикошетом. Он изменял мне с Варей, которая родила ему сына. Как думаешь, мне приятно знать о том, что у Туманова на стороне есть ребенок от любовницы? — у девушки на глазах выступили слезы.

Наварский молчал. Он знал все о любовницах своего бывшего лучшего друга и никогда никому не распространялся

о них, покрывая похождения Саши. И каждый раз, когда он слышал от Ани, что она все знает о романах Туманова в браке, Роме становилось неловко.

Девушка глядела на Наварского и понимала, что не может пробить эту броню. Он был непреклонен.

— Рома, у него недавно родился ребенок. Ты хочешь, чтобы девочки росли без отца только потому, что твою гордость уязвила Лариса?

При упоминании этого имени внутри Наварского поднялась очередная волна гнева, смешанная с невыносимыми душевными муками, которые до сих пор не давали покоя мужчине. Он стиснул зубы и процедил:

— У Агеева тоже родился ребенок. Только между ним и Сашей есть разница. Туманов сядет и выйдет — живой и невредимый. А Агеева уже никто не воскресит.

Аня замолчала. К своему большому сожалению, она поняла, что Рома прав. И ей нечем было перебить эти аргументы.

Бывшая супруга Туманова отвела взгляд в сторону, выдохнула и уже собралась выходить из квартиры, открыв дверь, но внезапно повернулась и, глядя на Наварского, спокойно сказала:

— Рома — это не правосудие, это месть!

— И что теперь? — спросила Милана.

Она сидела на кухне у Ани и не могла поверить в то, что Сашу отправили в СИЗО на два месяца. Шувалова уже знала

о том, что бывшая жена Туманова была у Ромы и ничего этим не добилась.

— Не знаю, — ответила Аня, ставя на стол две чашки с чаем и пододвигая вазочку с печеньем.

Милана сделала глоток чая и задала следующий вопрос:

— Рома — это высокий темноволосый и темнокожий мужчина?

— Да, он самый! Ты его видела?

— Да. Когда Саша жил у меня, мы как-то заехали в магазин, и они случайно встретились. Рома очень недобро посмотрел на Туманова и тут же скрылся за стеллажами.

— Наверное, решил, что ты Сашкина любовница, — улыбнулась Аня. — И мне ничего при встрече не сказал, — девушка погрузилась и добавила. — Он никогда ничего мне не говорил. Все знал о похождениях Туманова и покрывал его. Я только потом поняла, что Рома это делал не ради друга, а ради меня.

— Он хороший человек? — спросила Милана и добавила. — Рома этот.

— Да, он действительно хороший человек. Если ставить их рядом с Тумановым, то Саша более вспыльчивый, несдержанный, грубый, гордый. Рома же полная противоположность — добрый, мягкий, корректный. Его на работе за эти человеческие качества ценят.

Наступило молчание, которое спустя время прервала Аня:

— Я как-то сказала Роме, что он заслуживает настоящую любовь, ту девушку, которая действительно будет его ценить. И тут ему встречается Лариса, которая проехала по его чувствам, как на танке. И сейчас мне очень жаль Ромку, он правда этого не заслужил.

Милана кивнула, вспоминая бывшего друга Саши, которого видела буквально несколько секунд в своей жизни и не смогла понять, что он за человек. Поэтому приходилось довольствоваться характеристикой от Ани.

— Я звонила Павлу Семеновичу, — сказала Милана.

— Да, я знаю, он звонил, — устало ответила Аня.

— Обещал помочь.

Бывшая супруга Туманова кивнула, глядя в чашку и не веря в то, что это возможно. Милана поняла, что это означает, и, положив руку Ане на плечо, ободряюще произнесла:

— Он поможет, у Павла Семеновича есть связи.

— К сожалению, Рома тоже не последний человек в следственном. Никогда бы не подумала, что он на такое способен.

Милана немного помолчала и наконец решилась произнести вслух то, что не решалась сказать до этого момента.

— Извини, но Рома в каком-то смысле прав.

Аня молчала, а Шувалова продолжила:

— Саша убил человека, и за это предусмотрено наказание.

Закон — он един для всех.

— Я все это знаю, — Аня отодвинула стул, встала и, сложив руки на груди, начала мерить шагами кухню. — И от

этого еще более противно. Думаешь, я не понимаю, что сужу с позиции близкого человека и только поэтому хочу, чтобы Саша был со мной рядом? Я до сих пор вспоминаю второе февраля, когда Агеев-старший чуть не убил Туманова. И с тех самых пор желаю только одного — правосудия для этого человека. Чтобы он уехал за решетку как можно на более долгий срок.

Аня остановилась посреди кухни, посмотрела на Милану и продолжила:

— И в то же время я понимаю, что Туманов совершил куда более серьезное преступление, и та сторона тоже требует правосудия. Ведь по сути мы с женой Агеева-младшего находимся в равных условиях. Мы хотим одного и того же, и совершенно справедливо. Только с одной разницей — Саша жив, а муж Агеевой нет.

Шувалова с грустью смотрел на Аню, а та продолжала:

— Я хочу, чтобы мои дети росли с отцом. А не увидели его спустя пятнадцать лет. Но ведь у Агеева тоже остались дети, и они тоже хотели бы, чтобы их папа был рядом с ними. Разве я не права? Разве имею я право требовать того, чтобы мой муж был на свободе только потому, что он мой муж и отец моих детей? Или я должна вспомнить о законе и требовать справедливого наказания для Туманова?

Аня с болью в глазах смотрела на Милану, ожидая от той хоть какой-нибудь реакции. Внезапно для самой себя Шувалова произнесла:

— Есть и другая сторона.

Аня свела брови, словно таким образом задала немой вопрос.

— Твой Саша — хороший человек. Он многим помогал и продолжает помогать. Например, мне. Или Павлу Семеновичу. Я знаю историю, когда Саша предостерег Агату от поездки в другой город и тем самым спас ее. А Агеев-младший — бандит! — последнее слово Милана практически выплюнула.

— И это значит, что он может убивать людей? Мы не боги, чтобы решать, кому жить, а кому нет.

Только что Сашина коллега утверждала, что Наварский прав, как вдруг она меняет свою точку зрения, и это выбило Аню из колеи.

— Дело не в этом. Есть что-то за гранью нашего понимания, — Милана перевела дух, продолжая объяснять. — Представь себе пустой сосуд внутри каждого человека. Ежедневно, ежечасно мы наполняем этот сосуд своими поступками — хорошими и плохими. Кто-то наполняет только хорошими делами, кто-то мешает добро и зло, а кто-то состоит целиком из зла и, соответственно, его отравленный сосуд постепенно наполняется ядом. Этот сосуд — своеобразный маркер того, как к нам относится общество, все те люди, что нас окружают. Ведь у каждого из нас есть своя энергетика. И наши поступки, и даже наши мысли наполняют этот сосуд, который потом притягивает к нам хорошее или же плохое.

То есть мы своими действиями создаем вокруг себя определенную ауру.

— И что происходит, когда сосуд становится полным? — спросила Аня, все еще стоя посреди кухни.

— Накапливается критическая масса, и человек начинает получать ответку. Нельзя гадить на этой земле и не ответить за это. Так же, как и добрые поступки тоже вернутся к тебе кратно, — Милана замолчала, отслеживая Анину реакцию, и, увидев, что та заинтересованно ее слушает, продолжила. — Агеев-младший творил зло. Он не случайно попал в полицию. Он не украл хлеб в магазине, потому что ему жрать было нечего. Он ненавидел все живое и хотел все уничтожить.

— Но Туманов убил человека, — напомнила Аня.

— Саша просто оказался оружием в руках Бога. И Рома совершает огромную ошибку, сажая его за решётку, — внезапно Милана замолчала, словно что-то почувствовав, и добавила. — Конечно, для Саши это тоже урок, но сидеть он не должен, — девушка задумалась и непонимающе добавила. — Я даже не знаю, откуда все это взяла.

Аня села обратно на стул, сложила локти на столе и, наклонившись к светловолосой девушке, чуть тише добавила:

— Милана, людей убивать нельзя!

— Мы не видим всей картины в целом, — помотала головой Шувалова.

— И что это значит? Пойдем мочить людей на улице только потому, что они толкнули нас в очереди? — недоумевала

Аня.

— Насколько мне известно, Туманов и Агеев встретились не в магазине, — заулыбалась Милана, и Аня тоже не смогла сдержать улыбку.

— Не могу понять, к чему ты ведешь?

— История Саши и этого... как его звали?

— Виктор.

— И Виктора началась задолго до их встречи в отделе полиции.

— В смысле, в детстве? — удивилась Аня.

— В смысле, в прошлой жизни.

Аня округлила глаза, думая, что Шувалова разыгрывает ее, но Милана говорила вполне серьезно.

— Вы с Сашей чем-то похожи, тот тоже умеет говорить о чем-то сверхъестественном так увлекательно, что заслушаешься, — с неким восторгом произнесла бывшая супруга Туманова.

— Ты в это не веришь? — спросила Милана.

— Не знаю, вроде верю, но никогда об этом всерьез не задумывалась, — пожала плечами Аня. — Как-то не до того было. Туманов последние несколько лет нашей совместной жизни катал меня на таких каруселях, что я не понимаю, как вообще не сошла с ума с ним.

Шувалова вновь улыбнулась. Она уже давно поняла, что никогда не смогла бы жить с таким, как Саша. Ей хватало своего невыносимого характера, своей бесконечной суеты и

тревожности, и рядом ей нужен был спокойный мужчина. Саша же напрягал не только поле вокруг себя, но и все свое окружение одним только своим появлением. И Милана поняла, что Ане можно ставить памятник за терпение в браке с Тумановым.

— Почему ты с ним не развелась? — спросила Шувалова.

— Почему не развелась? В прошлом году еще, — ответила Аня, вполне понимая, к чему клонит Сашина коллега.

— Нет, я имею в виду еще раньше. Ты сама сказала, что в браке с ним было слишком..., — Милана старалась подобрать слово, — ...весело. Почему не подала на развод раньше?

— Не знаю, — Аня вновь опустила глаза и чуть тише добавила. — Меня к нему как магнитом тянет. Я никогда и ни к кому таких чувств не испытывала, как к Саше. Я не могу их вырвать из себя, несмотря на все его выходки. Мне было больно, обидно, тяжело, он доводил меня до слез и истерик, но любовь к нему не угасала ни на минуту, — Аня задумалась и грустно добавила. — Какие-то болезненные отношения у нас.

Милана, немного подумав, сказала:

— Ваша история, видимо, тоже тянется из прошлой жизни.

Бывшая супруга Туманова подняла глаза на Шувалову и рассеянно произнесла:

— Никогда об этом не задумывалась.

— Такие отношения, как ваши, и такая любовь явно не возникают на ровном месте. Возможно, это ваша первая жизнь, где вы наконец можете быть вместе.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю, — Милана словно выскочила из какого-то забвения и вновь не поняла, откуда в ее голове взялись такие мысли. — Я вообще не понимаю, что со мной происходит.

— Наверное, у тебя тоже есть какие-то способности, как и у Саши.

— Может быть, — задумчиво произнесла Милана, вспоминая об отце, который появился в ее квартире, и пожалела о том, что не может поговорить с Тумановым. — Скажи, с Сашей можно встретиться в СИЗО?

— Можно, я уже узнала, но надо получить разрешение у следователя.

— У Ромы?

— Да. Мне уже разрешили, могу похлопотать за тебя.

— Буду благодарна, — кивнула Милана и спросила. — У тебя можно покурить?

— На балконе.

Шувалова уже собралась встать и взять сигареты, но Аня остановила ее.

— Подожди, что делать? Я не могу сидеть сложа руки.

— Павел Семенович обещал помочь, — ответила Милана, не зная, что еще сказать.

— Хорошо, но я о нас с тобой. Мы как-то можем разру-

лить эту ситуацию?

— Каким образом?

Аня напряженно смотрела на Шувалову, и последняя поняла, что у бывшей супруги Туманова уже созрел план.

— Ты что-то придумала? — спросила Милана.

— Да, твои способности! Мы можем их использовать на человеке, который об этом даже не догадывается? — воодушевлённо спросила Аня.

— Это на ком?

— На Роме.

— Но как я это сделаю? До сих пор я погружала людей в воспоминания через разговор с ними. Вряд ли Сашин друг захочет со мной разговаривать.

Аня задумалась, Милана была права. Никто не знал, как действуют способности Шуваловой и как она умудряется воздействовать на человека.

— Тогда тебе нужна консультация человека, который точно поможет, — нашла решение Аня.

— Какого человека? — удивилась Милана.

— Саши.

Глава 32

Два дня спустя

Александра Туманова под конвоем вели по узкому коридору, стены которого был выкрашены зеленой краской. Саша не раз бывал в этом месте в качестве сотрудника полиции. И вот он здесь уже в качестве преступника.

К Туманову отнеслись снисходительно и не стали заковывать в наручники.

«Ромыч похлопотал», — съязвил про себя Саша, руки которого были сложены за спиной.

Все знали, что Туманов не станет бунтовать и нападать на сотрудников изолятора временного содержания.

Сашу подвели к комнате, где проходили встречи. Мужчина не знал, кто к нему пришел, но точно знал, что за дверью не Аня.

Дверь распахнулась, и Туманов увидел Наварского, который сидел лицом ко входу и внимательно смотрел на заключенного.

— Роман Константинович, какими судьбами? — весело воскликнул Саша, сам не понимая, почему он так радуется сложившимся обстоятельствам.

— Спасибо, — произнес Рома, глядя на конвоира, — оставьте нас наедине.

Конвоир кивнул и вышел за дверь. Саша продолжал сто-

ять, глядя на бывшего лучшего друга, который сейчас был следователем по делу Туманова.

— Я сяду, ты не против? — продолжал язвить Саша и тут же бухнулся на стул, стоявший напротив.

— Как тебе в камере? — спокойно, но с вызовом спросил Наварский.

— Пойдет, ребята такие приятные подобрались. Один знакомому череп расколол молотком. Второй девушку свою из окна выкинул в разгар ссоры. Третий...

— Не паясничай! — приказал Рома.

— Как знаешь, решил тебе интересно. Я думал, меня вообще в отдельную камеру определяют, я все же бывший мент, — продолжал веселиться Туманов, развалившись на стуле.
— Так ты зачем пришел? Проведать лучшего друга?

— Посмотреть на тебя.

— Так вроде ты на меня смотрел при задержании, или это был не ты? — Саша округлил глаза и скорчил страшное лицо, словно в тот миг видел не Рому, а кого-то другого. — Ты же знаешь, я псих, так что могу видеть невидимое и разговаривать со стенами. Кстати, — протянул Туманов, — может, мне отмазаться от тюрьмы и поехать лечиться в психушку?

— В государственную, до конца своих дней, я об этом позабочусь, — кивнул Наварский.

— О Ларисе уже позаботился? — попытался задеть следователя Туманов.

— Позаботился, у нее будет максимум, — кивнул Рома, и

тут же внутри себя Саша ощутил огромную пустоту.

Свободно было то место, которое раньше было отведено Наварскому, и Туманову хотелось завывать от осознания того, что он потерял лучшего друга, без которого он чувствовал себя в какой-то степени одиноким.

— А обо мне уже позаботился? Тоже максимум? — внешне очень серьезно спросил Саша, и Рома внутренне растерялся, однако внешне никак не показал перемены настроения.

Но Туманов тут же ощутил, как в его горле встал ком.

«Почему Ромыч упорствует?» — задавался вопросом Саша, который чувствовал, что Рома уже давно бы сдал назад, но никак не может этого сделать.

— К тебе на встречу придет некая Шувалова Милана Андреевна, — сменил тему разговора Наварский.

— Хорошо, — кивнул Туманов.

— Очередная любовница? — прищурил глаза Рома.

— Нет, всего лишь коллега.

Повисла тишина. Саша силился понять, с какой целью пожаловал Наварский, но все, что он чувствовал от следования — это горечь и невыносимую тяжесть, которая не покидала этого упрямого мужчину.

— Ромыч, я могу идти? Мы там с парнями играли, ты меня сдернул на самом интересном месте. Там пара мошенников сидит, с ними надо держать ухо востро, сам понимаешь, — снова начал язвить Саша, которому надоела эта немая

сцена из черно-белого фильма.

— Смешно тебе, смотрю? — грустно усмехнулся Наварский.

— Мне смешно? — тон Саши стал недобрый. Он сел ровно, положил локти на стол и стал говорить чуть тише. — Моя любимая женщина родила моего второго ребенка всего три месяца назад. Еще недавно Аню мучили кошмары, от которых я не без помощи других людей избавил ее. У нас только начало все налаживаться. Я нашел работу, я помогал людям, я проводил время с семьей. Я хочу проводить время со своими детьми. Наблюдать, как растет младшая дочь, и наверстать упущенное время с Лизой. Но вместо этого я в СИЗО по твоей воле, и, судя по всему, выйду я отсюда нескоро. Мне не смешно!

— Ну ничего, Санчо, — внезапно произнес Рома, — посидишь, подумаешь!

Наварский говорил это специально, назло Туманову, чтобы тому было так же больно, как самому следователю. Рома не хотел это говорить, его нутро противилось этому, он не желал Саше зла. Он не желал зла его семье. Но уже не мог или не хотел остановиться. Наварский был словно состав, который разогнался, и теперь, сколько ни дергай стоп-кран, поезд по инерции все еще продолжает ехать вперед.

Саша на секунду растерялся, а затем разочарованно произнес:

— Ты должен был усвоить урок, а ты просто озлобился.

Рома молчал, продолжая смотреть на заключенного.

— Ты мне мстишь за Ларису, — добавил Саша, — а должен был сделать выводы.

— Нет, Лариса лишь подсветила те моменты, где я был не прав. Ведь в ее словах была доля правды. Почему ты можешь убивать и издеваться над подозреваемыми, а сам не несешь никакой ответственности за свои поступки? Знаешь, сколько таких, как ты, работает в органах?

— Подсветила, — хохотнул Туманов. — Ты откуда таких умных слов понабрался? У психолога, что ли?

Саша наклонился и спросил:

— А скажи-ка мне, друг, если бы Лариса не ПОДСВЕТИЛА все эти моменты, я бы сейчас здесь сидел?

Рома молчал, играя желваками. Саша тем временем продолжал:

— У нас с тобой одна правда на двоих. Ты пытаешься вбить в мою голову, что я должен понести наказание. И ты прав. А я пытаюсь донести до тебя, что твое наказание рождено не из желания вершить правосудие, а из желания мести. И я тоже прав. И получается неприятный момент. Ты вот вроде следователь, но для меня был лучшим другом. И следователь в тебе молчал, когда я мутузил очередного задержанного. А сейчас ты действуешь не из позиции следователя, а из позиции человека, которому сделали больно. Думаешь, боль уйдет, если я отсижу пятнадцать лет? Думаешь, ты сможешь забыть все то, что наговорила тебе Лариса, если

я уеду в колонию? Думаешь, ты сможешь построить счастливые отношения, свершив так называемое правосудие?

Наварский молчал. Внезапно на него накатила такая усталость, что сил на споры не осталось. Он просто слушал Туманова, не желая тому что-либо доказывать.

— А где мой лучший друг? — внезапно с болью в голосе спросил Саша. — Где тот Ромыч, который поздравит меня с рождением дочери? Где тот Ромыч, которому нужна будет поддержка после того, как по нему катком прошла его «девушка»? — Туманов двумя пальцами показал кавычки. — Ты ведь даже не знаешь, что Агеев-старший чуть не убил меня на глазах у Ани и из-за этого у нее начались преждевременные роды.

На этой фразе Рома сглотнул. Он не знал, что Аня родила Алину из-за того, что стала свидетелем попытки убийства ее бывшего мужа.

— Хотя, может, ты знал и именно поэтому пришел за мной в тот момент, когда я более-менее окреп физически. Но даже это неважно. Важно другое, — Саша тоже сглотнул, дабы его голос не дрогнул, и продолжил. — Я должен был помочь тебе пережить ситуацию с Ларисой, но ты просто отвернулся от меня. Я бы вернул тебе долг за то, что я подставлял тебя все это время. Долг за то, что с тобой сделала Соловицкая. Но ты предпочел другой путь. И у меня для тебя плохие новости, Ромыч. Тот путь, который ты избрал, будет для тебя очень длинным.

Саша замолчал и откинулся обратно на спинку стула. Рома опустил глаза и тихо произнес:

— Я знаю про Алину.

Туманов не удивился. Он догадывался, что Аня пойдет к Роме и тот узнает о младшей дочери.

— Поздравляю! — добавил Наварский и посмотрел на друга.

Бывшие друзья с огромной болью в глазах смотрели друг на друга и сдерживали слезы, которые рвались наружу.

— У тебя на сегодня все? — вдруг спросил Саша, поднимаясь со стула и стуча в дверь, давая знать конвоиру, что он готов возвращаться в камеру.

— Все! — резко ответил Рома.

Зашел конвоир, но Саша, прежде чем выйти, обернулся к следователю и по-доброму напоследок сказал:

— Влюбиться тебе надо, Ромыч, чтобы ты понял, что на одной поганой бабе жизнь не заканчивается.

Наварский посмотрел на заключенного, который уже повернулся спиной и под конвоем вышел в коридор.

— Как обстоят дела со слежкой? — спросил Артем, покачиваясь в кресле.

— Пока никак, давно его не видел, — буркнул Саша, переворачивая ручку и не глядя на друга.

— Может, тебе просто показалось? Переработался, бывает. Еще и ребенок маленький.

Туманов пожал плечами и нехотя ответил:

— Все может быть.

В последнее время в его жизни что-то было не так. Внутрь поселилась тоска и чувство того, что ему чего-то не хватает. Саша без конца анализировал свое состояние, перебирал в памяти моменты, которые могли бы вызвать такие ощущения. Но тщетно, ничто так не выбивало его из колеи, как неизвестное ему событие, от которого было тошно круглые сутки.

— Аня уехала с ребенком к родителям. Может, сегодня вечером..., — начал было Саша, но Артем тут же его прервал.

— Аня? Какая еще Аня? — друг хитро улыбнулся и спросил. — Нашел себе очередную бабенку?

Туманов словно вынырнул из сна и растерянно посмотрел на Артема.

— Я что сейчас сказал?

— Аня. Насколько я помню, твою женщину зовут Варя. Ты смотри, ее другим именем не назови, — хохотнул Темыч.

Но Саше было не до смеха. Он пытался сообразить, почему он произнес имя некой Ани, но мозг был словно в тумане, и мужчина никак не мог понять, что с ним происходит.

Аня — такое знакомое имя. Оно привычно для Саши, но у него нет знакомых, коллег или любовниц с этим именем. Почему Варю он называл Аней? И как зовут его сына? Туманов уже хотел было задать этот вопрос лучшему другу, но

вовремя схватил себя за язык. Ему оставался один день до перехода в следственный комитет, и Саша не хотел все испортить.

— Сань, ты там где потерялся? — Артем толкнул друга в плечо.

— Я здесь, — через силу улыбнулся Туманов и тут же начал сочинять. — Аня — это новая соседка. Красивая, сил нет.

— Блондинка?

— Брюнетка, — ответил Саша, не задумываясь, и похолодел. Его сознание знало больше его самого.

— На брюнеток потянуло? — веселился Темыч.

— Меня всегда на них тянуло, — задумчиво и чуть слышно произнёс Туманов.

— Чего ты там бурчишь? — не понял лучший друг.

— Да так, ничего, — Саша понял, что надо менять тему и выходить из коматоза. — У тебя как дела на личном?

— Я тут такую встретил, — Артем мечтательно улыбнулся.

— Давай, рассказывай, — хлопнул ладонью по столу Саша, наигранно улыбаясь.

Темыч пустился в рассказ о своей новой знакомой, а Туманов лишь делал вид, что слушает друга, а на деле пытался вытащить из своего разума образ некой Ани, которая вызывала самые возвышенные чувства. Такие, какие он никогда не испытывал к Варе.

Милана шла по коридору незнакомого ей дома. Это явно был частный дом, и в нем было бесконечное количество комнат и переходов. Сам дом был построен из бруса — пахло деревом. Милане был знаком этот запах, она хорошо помнила его из детства, когда ее семья только что переехала в новый дом.

Но этот дом явно не был жилищем ее семьи. Шувалова не узнавала интерьер, обстановку, да и комнат в ее доме было в разы меньше.

Девушка плутала, переходя из комнаты в комнату, и никак не могла добраться до нужной.

«Где Саша? — задавалась вопросом Милана. — Мне срочно нужен Саша».

Но Туманова след простыл. Они должны были встретиться в этом доме, и теперь девушка боялась, что просто потеряется и не найдет коллегу.

Шувалова продолжала свой забег по бесконечному кругу комнат и коридоров и внезапно зашла в комнату, которая служила в том числе спальней родителей. Милана встала как вкопанная и, не мигая, смотрела на отца, который лежал под белым пододеяльником, на котором расплылось огромное бордовое пятно.

«Только не снова. Пожалуйста!» — замотала головой девушка, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

Папа был мертв. Опять! И Милана чувствовала, что близ-

ка к истерике.

«Где Саша?» — без конца задавалась вопросом Шувалова, во все глаза глядя на мертвое тело отца, укрытое белой простыней.

Но в следующую секунду мертвый Андрей Шувалов резко сел на кровати, на его лице все еще был окровавленный пододеяльник. Милана, не ожидая, что папа очнется, заорала и резко проснулась.

Вокруг темнота. Девушка осматривалась и не узнавала очертания своей комнаты. За окном темно — глубокая ночь, от чего стало не по себе. Под кожей бегали мурашки, которые одним своим присутствием лишь усиливали страх.

Милана решила встать и включить свет, но тело не слушалось.

«Сонный паралич», — догадалась девушка.

Сейчас она одна в квартире, и некому ей помочь. Некому ее разбудить. Неизвестно, сколько времени осталось до будильника. И вновь сожаление о том, что рядом нет Саши. Нет вообще никого, кто мог бы спасти ее из плена собственного тела. Шувалова начала кричать и пытаться растолкать себя изнутри, но попытки провалились, как и в прошлый раз.

Внезапно рядом раздался какой-то шум. Девушка лежала на спине и не могла пошевелиться. Помимо сонного паралича она начала ощущать дикий страх. Рядом что-то злое и холодное. Что-то готовое растерзать душу мирно спящей девушки. Милана начала с утроенной силой расталкивать се-

бя изнутри, понимая, что чувствует на своей щеке зловонное холодное дыхание. Кто-то недобрый провел чем-то острым по ее шее, и в следующую секунду Шувалова с криком проснулась. Она тут же потрогала шею и к своему ужасу почувствовала небольшой порез, словно котенок неудачно поиграл со своей хозяйкой.

Шувалова вскочила с кровати и понеслась в ванную комнату. На шее виднелась алая царапина, от вида которой Милану начало трясти еще больше. Девушка, не выдержав напряжения и того, что даже во сне ей нет покоя, начала плакать. Она упала на пол возле ванной, ее трясло от страха и рыданий. Истерика сопровождалась криками и закончилась тем, что Милана, лежа на полу, тихо поскуливала. Она боялась вновь засыпать. Это уже не просто кошмар. Кто-то охотится за ней прямо во сне и хочет убить ее.

Шувалова размышляла о том, что совсем скоро она увидится с Сашей и он обязательно ей поможет. И это немного успокаивало ее.

«Теперь надо как-то продержаться и не уснуть», — подумала про себя Милана и в следующее мгновение погрузилась в сон на коврик у себя в ванной.

Глава 33

Дубровин сидел в своем кабинете и задумчиво глядел в экран компьютера. Работы было много, но все внимание было сосредоточено на том, как помочь Туманову выбраться из СИЗО. Пашу выбило из колеи то, что Сашу все-таки посадили, и теперь, возможно, он не скоро увидит своего друга вне стен мест заключения.

Внезапно входная дверь распахнулась и ударилась о шкаф. На пороге стояла Милана.

— Павел Семенович, извините, не удержала дверь, — виновата произнесла девушка, заходя в кабинет.

— Ей не привыкать, — ответил Дубровин.

— Кому?

— Двери, — улыбнулся Павел и взял из рук подчиненной документы.

— Я вчера один договор не успела доделать, сейчас за него возьмусь и сразу же принесу, как все будет готово, — все так же виновато произнесла Шувалова.

— Почему на работу опоздала? — спросил Паша, перебирая документы.

Милана выдохнула, не зная, что сказать. Дубровин понял, что молчание затянулось, и поднял глаза на девушку. Милана по традиции была бледной, светлые волосы небрежно убраны в конский хвост, глаза красные, словно после слез.

— Все хорошо? — поинтересовался Павел.

— Не знаю, я сегодня спала на коврике в ванной, а телефон с будильником остался на диване, поэтому проспала, — ответила Шувалова и отвела глаза в сторону, будто сделала что-то постыдное.

— На коврике? — воскликнул мужчина.

Милана кивнула головой.

— Почему на коврике? — ошарашенно задал очередной вопрос Паша.

Девушка вновь молчала. Было видно, что она не хочет о чем-то говорить, но Дубровин относился к своей подчиненной с отеческой заботой. Он знал, что у Миланы никого нет в этом городе из близких, и хотел ее защитить, если ей вдруг угрожает опасность.

— Садись и выкладывай, что произошло и кому набить морду, — приказал начальник и указал рукой на стул напротив.

Шувалова села и неохотно начала рассказ.

— Павел Семенович, у вас бывают сонные параличи?

— Эм, нет. Но я знаю, что это такое. Слышал, что ты уже проснулся, но не можешь пошевелиться.

Милана тяжело вздохнула и затараторила, выкладывая своему начальнику все то, что произошло с ней ночью.

— Видите, царапина у меня на шее? — Шувалова указала пальцем на алую отметину. — Она появилась после того самого сна.

— Когда кто-то провёл когтем по твоей шее? — догадался Паша.

— Да.

— Может, ты сама себя поцарапала?

— Каким образом? Я пошевелиться не могла, — воскликнула Милана.

— Может, тебе просто казалось, что ты не шевелишься, а на деле махала руками и нанесла себе небольшое увечье.

Шувалова разочарованно посмотрела на начальника и спросила:

— Вы мне не верите?

— Верю. Просто не хочу пугать тебя еще сильнее, а наоборот, хочу убедить в том, что произошедшее ночью легко объяснимо.

Милана кивнула головой и опустила глаза.

— Ты сегодня вернешься в свою квартиру и будешь совершенно одна, и я не хочу, чтобы ты переживала или боялась, — продолжил Павел.

— Вы не подумайте ничего такого, — внезапно начала оправдываться Милана, — но мне так Саши не хватает.

Дубровин улыбнулся и ответил:

— Ничего такого и не думаю. Нам всем его не хватает. Завтра уже увидимся с ним.

Шувалова посмотрела на начальника и тихо произнесла:

— Спасибо, Павел Семенович.

— Обращайся, — улыбнулся Паша и решил, что подчи-

нённая сейчас пойдет работать, но она продолжала сидеть на стуле и словно хотела что-то добавить.

— Почему это все со мной происходит? — расстроено спросила Милана. — У меня была размеренная жизнь, и она меня устраивала. Почему начались это дурацкие сны, ожившие мертвецы и прочая дичь?

— Я не знаю, что сказать. Был бы Санек здесь, он бы знал, что ответить, а я и сам не понимаю, что происходит. Потерпи до завтра. Будем надеяться, что Саша знает ответы на твои вопросы.

Милана устало улыбнулась и, поднимаясь со стула, произнесла:

— Я пойду.

Дубровин кивнул, и когда Шувалова вышла из кабинета, заставил себя заняться работой, чтобы хоть ненадолго отвлечься от мыслей о Туманове.

Аня сидела в комнате для свиданий и невольно сжималась от мысли, что ее любимый человек находится сейчас в таком жутком месте. От этого внутри девушки вновь начала подниматься злость на Рому. Она была готова прямо сейчас поехать к нему на работу и устроить шум, но понимала, что ничего этим не добьется.

Послышались шаги, и через пару секунд дверь распахнулась. Аня вскочила со своего места и кинулась к Саше, который тут же обнял и поцеловал ее. Конвоир вышел в коридор

и закрыл дверь. Бывшие супруги около минуты целовались и обнимали друг друга.

— Ты как? — спросила Аня, осматривая Туманова.

— Пойдет, — весело ответил Саша.

— Тебя не бьют?

— Нет, конечно, не переживай. Здесь я под присмотром, как в детском саду, — мужчина вновь чмокнул Аню в губы.

— В детском саду Лиза, а ты в тюрьме, — раздражённо добавила девушка.

— Анечка, я в порядке, — Туманов притянул любимую к себе, шепча ей на ухо.

От волос девушки пахло знакомыми духами, и Саша несколько секунд наслаждался таким родным и навевающим приятные воспоминания ароматом.

— Садись, — сказал Туманов, нехотя отпуская Аню.

Бывшие супруги сели друг напротив друга. Аня выглядела расстроенной. Саша же, наоборот, улыбался и всячески старался показать, что, несмотря на его место пребывания, у него все хорошо.

— Ты словно в санатории, а не в СИЗО. Цветешь и пахнешь, — девушка произнесла это с укором и непониманием, почему ее любимый мужчина так светится.

— Уныние — грех, а мне есть ради чего жить, — ответил Туманов и накрыл руку Ани своей. — Как дети?

— В порядке. Лизе пока сказали, что ты лежишь в больнице и к тебе нельзя. Надеюсь, что тебя выпустят, и ребенку

не придется узнать правду.

— Алина с кем?

— С мамой.

— Ты как?

— Плохо, Саш, — расстроено ответила Аня. — Я сегодня ночью еле уснула...

— Опять кошмары? — нахмурился мужчина.

— Нет, кошмары пока прекратились. Просто плохо сплю.

— Почему? — искренне удивился Туманов и тут же понял, насколько глуп его вопрос.

— Почему? — недовольно повторила Аня. — Наверное, потому что мой любимый мужчина и отец моих детей сидит в тюрьме. Знаешь ли, к такой жизни меня не готовила.

Саша потер глаза и виновато произнес:

— Извини, глупость сморозил. Просто я уже смирился со своей участью и почему-то решил, что ты тоже приняла этот факт.

— Мне кажется, в браке с тобой я вообще многое научилась принимать, — Аня опустила глаза. — Упади сейчас метеорит на Землю, а я даже не обращаю внимания и просто пойду пить кофе.

— Хорошая нервная система, — улыбнулся мужчина.

Аня грустно посмотрела на бывшего мужа и спокойно спросила:

— Туманов, когда все это кончится?

— Что именно?

— Все эти испытания, которым ты подвергаешь нашу семью?

Саша отвернулся и посмотрел в угол комнаты, а Аня продолжала:

— Сначала твоя работа, потом измены, — на последнем слове Туманов глубоко вздохнул, а бывшая супруга лишь набирала обороты. — Наши ссоры, конфликты, расставание, потом ты сходишь с ума и попадаешь в психиатрическую лечебницу, а я чуть не умираю от рук твоей любовницы. Затем развод. И вроде бы все кончено, но нет, нас тянет друг к другу как магнитом.

Саша посмотрел на Аню, которая с каждой секундой распалялась еще больше:

— Второй ребенок, который будет расти без отца, если тебя не выпустят. А Лиза, бедная девочка, которая уже столько повидала за свои шесть лет. Потом тебя практически убивают на моих глазах, но ты выкарабкиваешься, и вроде бы все, можно заново отстраивать нашу разрушенную совместную жизнь. И вот тюрьма!

Девушка выдохнула и устало посмотрела на Туманова.

— Это когда-нибудь закончится? — снова спросила она.

— Я даже шутить не буду на эту тему, — ласково улыбнулся Саша, который порывался ответить, что лет через пятнадцать все обязательно закончится, но Аня продолжала оставаться серьезной.

Наступила тишина, которую прервала девушка, внезапно

сказав то, что Туманов никак от нее не ожидал:

— Милана считает, что наша с тобой история тянется из прошлой жизни.

Саша на секунду задумался, переваривая услышанное.

— Ты виделась с Миланой?

— Да, она была у нас в тот день, когда тебя забрали.

— Подружились?

— Вроде того. Приятная девушка, мне даже стыдно, что я считала ее твоей любовницей.

— Да, очень приятная, — кивнул Туманов и вернулся к теме разговора. — А почему она заговорила про прошлую жизнь?

— Мы многое обсуждали, и вот речь зашла о тебе и обо мне. Милана сказала, что такие чувства, как у нас с тобой, не рождаются из ничего.

Саша задумался. Он точно помнил свою прошлую жизнь в теле отца Тимофея. И точно знал, что у священника не было семьи. Он всего себя посвящал церкви и помощи другим людям. Если Саша и Аня были вместе в какой-то прошлой жизни, то, возможно, это было до отца Тимофея. А еще Туманов вспомнил, что по словам Предвестника, его душа вообще не должна была перерождаться. Случилось это потому, что Саша не смог простить своих обидчиков в прошлой жизни. А значит, и встреча с Аней не была запланирована на эту.

«Я с ума сойду», — мелькнула мысль в голове Туманова, и он потер глаза.

— Сань, ты о чем задумался? — позвала бывшего супруга Аня.

— О том, что люблю тебя больше любой из своих жизней, будь то настоящей или прошлой, — улыбнулся Саша.

Аня улыбнулась и отвела взгляд. Саша еще крепче сжал руку бывшей супруги.

— Кстати, по поводу Миланы, мы тут кое-что придумали, — загадочно произнесла Аня и начала рассказывать о том, что Шувалова может помочь смягчить Рому и сделать так, чтобы он закрыл дело.

— А что, это мысль, — согласился Туманов. — Стоит попробовать.

— Они с Пашей завтра придут к тебе, и ты ей скажешь, что делать.

— Я? Почему я?

— А кто? Ты у нас с какими-то сверхъестественными способностями, тебе и флаг в руки.

— Я даже не знаю, что делать, — растерялся мужчина.

— Милана тоже не знает, вот и думай, у тебя вся ночь впереди.

Внезапно Аня встала со стула и села на колени к Туманову. Она не знала, можно так делать или нет, но безумно скучала по Саше.

— Оказывается, счастье действительно кроется в мелочах, — тихо произнесла девушка. — Вот так просто сидеть у тебя на коленях и быть рядом, и больше ничего не надо.

Саша посерьезнел. Ему стало очень горько от слов Ани и от сложившейся ситуации. Он словно только сейчас понял, насколько все серьезно. И он бы очень хотел взять бывшую супругу за руку и пойти вместе домой. А вечером вкусно поужинать и смотреть фильмы по телевизору. Но это простое желание было невыполнимым в нынешних обстоятельствах. Рома жестко мстил Саше за свое разбитое сердце.

Туманов крепко обняла Аню, и у той из глаз покатились слезы. Так они просидели несколько минут, молча, каждый думая о своем. О том, что не получилось так, как планировали. О том, что любовь — это не только приятные моменты вместе, но и невыносимая боль от поступков любимого человека. О том, что жизнь словно испытывает влюбленных на прочность, будто проверяет, насколько сильно они преданы друг другу, и как далеко готовы пойти, чтобы отстоять свое право на любовь. О том, сколько еще испытаний им предстоит выдержать, прежде чем просто быть вместе, не вопреки чему-то, а потому что так было предначертано.

Ночью Туманову не спалось. От встречи с Аней осталось приятное послевкусие, но ложка дегтя все же была. Саше было тошно от того, во что превратилась его жизнь и жизнь его семьи. Он созванивался с мамой, которая, кажется, как и Аня уже приняла тот факт, что ее единственному сыну не светит ничего хорошего в этой жизни. Отец же категорически отказался разговаривать с Сашей.

Туманов лежал на неудобной кровати и пялился в потолок. Казалось, что спали все, кроме новоприбывшего заключенного. Отовсюду раздавался храп или тихое сопение.

Саша потерял глаза и понял, что сегодня сна ему не видеть. В голову лезли мысли, и не было никакой возможности справиться с ними. Тело было напряжено, и мужчина хотел встать и покурить, но вспомнил, что сейчас это сделать не так просто, как когда он был на свободе.

«Лишен простых радостей жизни, — размышлял Туманов, и тут в его сознании вспыхнуло воспоминание. — Год! Ровно год, как в моей жизни началось что-то невероятное».

Саша вспомнил, как в мае прошлого года началась череда событий, перевернувшая его жизнь с ног на голову. До того момента мужчина искренне думал, что самые серьезные изменения произошли за год до этого, когда Туманов убил Агеева и вылетел со службы. Но нет, ягодки были еще впереди.

— Какой-то долбаный год, и столько событий, — еле слышно произнес Саша и потерял глаза.

Казалось, в эти двенадцать месяцев вместились жизнь за несколько лет. И внезапно Туманов осознал: кризис — это не конец. Это лишь изменение, отмирание старого и приход нового. И он сейчас находится в этом самом кризисе, который когда-нибудь обязательно закончится.

«Лет через пятнадцать», — грустно подумал Саша, до сих пор не веривший в то, что Рома доведет задуманное до кон-

ца и все-таки посадит своего бывшего лучшего друга за решетку.

Туманов выдохнул. Сейчас появился призрачный огонек надежды, который был связан с Миланой. Есть шанс, что коллега с помощью своих способностей, которые непонятно как работают, сможет смягчить Рому и помочь ему изменить свое решение в отношении Саши. Надежда есть, а значит, надо бороться и пробовать все варианты.

От этих мыслей мужчине стало легче, и он не заметил, как заснул.

Глава 34

— Никогда бы не подумал, что буду навещать тебя в подобном заведении, — пробормотал Павел, оглядывая помещение, в котором проходили встречи с подследственными.

— Никогда бы не подумал, что буду сидеть здесь, — улыбнулся Туманов. — Сначала я был на той стороне, теперь на этой.

Паша и Милана пришли навестить Сашу, и сейчас девушке было не по себе от этих стен, источающих самые неприятные эманации. Она держала себя в руках, но без конца осматривала пространство вокруг себя, словно ожидала нападения.

— Милана, все хорошо? — спросил Туманов, заметив, как девушка нервничает.

— Нет, Саш, вообще ничего хорошего, — воскликнула Шувалова, и у нее дрогнул голос.

Мужчины вперились в нее взглядом, и Милана тут же бросилась второпях рассказывать сначала о том, как увидела своего отца в собственной квартире. А затем про сонный паралич, от которого у нее осталась царапина на шее. У Дубровина зашевелились волосы, когда он услышал историю про ожившего отца Миланы.

— Это как с Михаилом, что ли? — в ужасе спросил он.

— Да, — расстроено ответила девушка и, посмотрев на

Туманова, жалобно спросила. — Что мне делать?

Внезапно Сашу озарила мысль, и он, помотав головой, заявил:

— Мы вообще все неправильно делали.

— Ты о чем?

— До этого момента мы пытались разобраться со следствием, а надо было начинать с причины, породившей эти события.

— И что это за причина? — спросил Паша, на котором до сих пор лица не было от услышанного.

— Сидит рядом с тобой, светловолосая, — Туманов рукой указал на коллегу.

Милана затравленно смотрела на Сашу и молчала. Паша, в свою очередь, уставился на Шувалову.

— Ну хорошо, — подала голос Милана, — самолет упал из-за меня...

— Он упал не из-за тебя, — вновь замотал головой Туманов. — Забудь вообще об этой трагедии, к тебе она не имеет никакого отношения. К тебе имеет отношение то, что ты каким-то непонятным способом состыковалась с этой ситуацией, увидела во сне Михаила и захотела его спасти.

Произнеся последнюю фразу, Саша резко замолк и уставился на девушку.

— Чего? — удивилась Милана, и внезапно все трое поняли, что Туманов прав.

— И как я раньше не додумался? — воскликнул он. —

Он ожил, потому что ты захотела его спасти, так же, как и своего отца.

— Я, по-твоему, некромант? — недовольно спросила Шувалова.

— Что-то типа того, — кивнул Саша, и в ту же секунду его голову посетила очередная догадка. — Причем ты оживляешь не только людей, но и воспоминания. Ты словно даешь людям шанс все изменить, но...

— Что «но»? — тоже начиная нервничать, спросил Павел.

— Так не должно быть, — задумчиво произнес Туманов, глядя куда-то в сторону.

— Чего именно, Саш? — в нетерпении воскликнула девушка. — Ты можешь размышлять вслух? Твои МХАТовские паузы просто бесят!

— Неправильно воскрешать людей, это против законов природы. Есть определенный цикл жизни. И смерть — это конечный этап земной жизни, — начал, как и просила Милана, вслух размышлять Санек. — Ты что-то делаешь не так. Не может умерший человек приходить к своим родным и пугать их, это просто неправильно.

Повисла тишина. Паша во все глаза смотрел на друга и не верил собственным ушам, мозг отказывался верить в этот бред. Хотя в глубине души Дубровин знал, что не верить Саше не было причин. Милана, словно парализованная, слегка приоткрыв рот, слушала Туманова, а тот, в свою очередь, продолжал.

— Когда ты помогла Ане — это было правильно. Ты работаешь как психолог, но только быстрее, так как умеешь попадать сразу в цель. Ты показываешь человеку его проблему, погружаешь в нее, заставляешь пройти через нее и выйти другой личностью.

Саша замолчал. Он был воодушевлен тем, что понял, в чем дело, и сейчас делал паузы, чтобы выдать очередную порцию информации.

— Милана, у тебя классные способности, ты лучше любого психолога в разы, но воскрешать мертвых — здесь что-то не то, — закончил Туманов и задумался.

— Нормально у тебя на нарах озарения случаются, — ошеломленно произнес Павел.

Саша посмотрел на испуганного друга и чуть слышно произнес:

— Я вообще не понимаю, как дошел до этого.

Внезапно Милана, глядя в сторону, задумчиво произнесла:

— И тем не менее, многие люди захотят увидеть своих родных в последний раз и успеть попрощаться с ними, особенно если те погибли внезапно.

Мужчины уставились на девушку, и спустя несколько мгновений Саша вновь отрицательно покачал головой и добавил:

— Нет, это неправильно.

— Что неправильно? — Милана со злостью посмотрела на

коллегу и повысила голос. — Неправильно позволить людям попроситься с теми, кого они любили больше всего на свете?

— Милана, земная жизнь — это не магазин с конфетами! — тоже повысил голос Туманов. — Это школа. И как в любой школе, здесь есть уроки. И принять смерть близкого человека — это тоже урок, испытание, как угодно. И человечество должно научиться проходить это испытание, чтобы в своем духовном развитии идти дальше, копать в нужном направлении и в итоге прийти к самой главной вещи.

— К какой? — еле сдерживая себя, почти закричала Шувалова.

— Что смерти нет! — отрезал Туманов, и в этот момент в комнату заглянул конвоир.

— У вас все хорошо? — спросил он.

— Да, — ответил Саша, — просто спорим, все нормально. Милана отвернулась, и из ее глаз потекли скупые слезы. Паша, увидев это, обнял подчиненную, и она уткнулась ему в плечо.

— Сань, можно как-то помягче? — спросил Дубровин.

Туманов устало выдохнул и уже спокойно произнес:

— Милан, извини, но я должен донести до тебя это, чтобы ты не оживила еще кого-нибудь. Ведь оживший Михаил, у которого была дочь — это твоих рук дело. Ты невольно спроецировала на себя эту ситуацию, потому что сама потеряла отца, и все это время тебе его не хватало, — Милана тихо плакала, а Саша мягко продолжал. — Ты бы очень хотела

попрощаться с ним. Но подумай сама, разве это возможно? Разве возможно без боли отпустить любимого человека, даже если тебе дали шанс увидеться с ним в последний раз? Перед смертью не надышишься, так же и здесь. Сколько ни прощайся, а боль все равно будет с тобой.

Паша гладил Милану по голове, а Саша виновато смотрел на коллегу, но в глубине души осознавал, что порой таблетка бывает очень горькой и неприятной.

— И что теперь делать? — спросил Дубровин вместо девушки.

— Не знаю, — пожал плечами Туманов. — Но подумаю на эту тему, должен быть выход. Хотя..., — Саша на секунду задумался и размеренно добавил, — ...знаю, Милане явно надо начать с себя и разобраться с болью насчет отца.

— Другие же не оживляют своих умерших родных, скучая по ним, — всхлипывая, произнесла Шувалова.

— Ты не другие.

— И что мне делать? — спросила Милана, вытирая слезы и возвращаясь в исходное положение.

— Тебе надо погрузить себя в воспоминания и посмотреть, что выплывет из глубин твоего подсознания. А потом работать с тем, от чего страшно, чего ты боишься больше всего.

— Мне придется вновь пройти смерть папы, — Милана не смогла сдержать слез и заплакала сильнее.

— Аня тоже проходила через мою смерть, но ей это пошло

на пользу, — аккуратно заметил Туманов.

— Да, — согласно кивнула Шувалова. — Но ты жив, а папа нет.

Повисла тишина. Милана была права, ее боль была сильнее, потому что она все же потеряла любимого и родного человека.

— Так, если вы не против, давайте сменим тему? — предложил Паша. — На сегодня достаточно драмы, иначе Милана вновь будет спать на коврике в ванной.

Шувалова, вытирая слезы, согласно кивнула и добавила:

— Да, давайте обсудим, как вытащить Сашу из тюрьмы и что мне необходимо сделать, — девушка немного помолчала и, переведя взгляд на Туманова, добавила. — Сначала я помогу тебе, а потом ты поможешь мне. Вытащу тебя из тюрьмы, чтобы ты всегда был под боком, когда мне потребуется твоя помощь.

— Договорились! — улыбнулся Саша.

— Так что мне надо сделать?

— Ты помнишь, как выглядит Рома?

— В общем-то, да, у него запоминающаяся внешность, — ответила Милана, и в голове Туманова что-то мелькнуло, но он, как обычно, не успел отследить это что-то с первого раза.

— Напиши Ане, пусть она скинет тебе его фото, чтобы наверняка получилось.

Шувалова кивнула и вновь спросила:

— А делать-то что? Я погружала тебя и Аню в воспоминания,

нения через разговор. Здесь у меня такой возможности не будет.

Саша кусал губы, пытаясь найти подходящий способ, но ничего не шло на ум.

— А если поговорить с Ромой через фотографию? — предложил Павел.

Туманов весело рассмеялся и сквозь смех произнес:

— Послушать нас со стороны, так в пору всех троих записать в психушку. Поговорить через фотографию.

— Ну а че? — буркнул Дубровин.

— Да не, идея хорошая, просто звучит забавно, или это у меня уже нервное.

Саша потер глаза и добавил, обращаясь к Милане:

— Тебе надо погрузить Рому в его воспоминания, связанные с Ларисой, чтобы он прошел через них и понял причину своего поступка.

— Какого поступка? — не поняла Шувалова.

— Почему он посадил меня.

— Потому что та Лариса разбила его сердце, и Рома винит в этом тебя, — воскликнула Милана, для которой все было очевидно, как белый день.

— Ага, Аня тоже выгнала меня из дома, потому что ей надоело терпеть мои измены, а потом выяснилось совершенно другое. Рома должен встретиться с собой и понять, в какой момент он превратился в осла, — Саша немного подумал и добавил. — Я чувствую, что он не хочет доводить дело до

конца, но по какой-то причине не может остановиться.

— Хорошо, — кивнула Шувалова, — но как я пойму, что у меня получилось?

— Я выйду из СИЗО, — заулыбался Туманов.

— Саша! — строго произнес Павел.

Туманов потер глаза и ответил:

— Возможно, ты как-то почувствуешь. Это твои способности. Порой надо действовать так, как подсказывает интуиция. Если у тебя есть этот дар, значит где-то есть и инструкция по применению, и ты явно имеешь к ней доступ.

Шувалова выдохнула и произнесла:

— Хорошо, буду импровизировать.

— Я так всегда и делаю. У меня не ходит в знакомых Саша Туманов, который мне бы помог, — улыбаясь, сказал Санек.

«Хотя у меня есть Предвестник», — мысленно добавил мужчина.

— Только не обещаю, что сделаю это сегодня, — предупредила Милана. — Я не выспалась и сегодня просто не готова к тому, чтобы погружать Рому в воспоминания. Поэтому придется тебе еще немного посидеть.

— Главное, не пятнадцать лет, — весело заметил Саша.

— Ты как вообще? — спросил Павел.

— Бывало и лучше, — выдохнул Туманов, и улыбка спала с его лица. Он моментально вспомнил вчерашний визит Ани.

— Не самое лучшее заведение.

— Не в этом дело. Я, можно сказать, довольно быстро обвыкся здесь. И если бы на свободе у меня никого не было, то мне реально было бы легче. Но там Аня и девочки, и я стараюсь об этом не думать, чтобы не свалиться в самую страшную депрессию.

Саша задумчиво помолчал и продолжил:

— И теперь думаю, какого черта я не наслаждался совместной жизнью со своей женой, а бегал по другим женщинам? Счастье было рядом, каждый день. И осознал я это только тогда, когда все начало рушиться.

— Порой, чтобы что-то начать ценить, это надо потерять, — произнесла Милана. — Например, свободу или свою любовь.

Туманов взглянул на коллегу и согласно кивнул. Жизнь знатно вправила ему мозги за последние два года, и сейчас, все осознав, Саша понял, что всегда любил Аню и ему нужна только его семья. Но мужчина боялся, что его время вышло и он уже не сможет ничего изменить.

К вечеру Милана была абсолютно без сил. Отсутствие нормального сна накануне, неприятная поездка в СИЗО к Туманову, а следом и точно такой же разговор высосали из девушки остатки энергии, и она практически заползла в свою квартиру.

Впервые она ощутила небывалое одиночество. Никогда до этой поры она не задумывалась, насколько она одинока. И

вот сегодня, словно упали шторы, и Милана осознала, как она живет. Работа-дом-работа и больше ничего. Девушка словно специально спряталась в этот кокон и не желала из него выходить. Шувалова поняла, что ее нынешняя жизнь — это следствие того, что в раннем возрасте она внезапно потеряла своего папу. И хоть Милана не лукавила, когда говорила, что ее все устраивает в жизни, но поняла, что ее добровольная социальная изоляция — это следствие травмы, а не добровольный выбор. Девушка была полностью довольна тем, что имела, но хотела перестать чувствовать себя настолько одинокой.

«Надо будет попробовать погрузиться в воспоминания, но не сегодня», — размышляла Милана, отправляясь в ванну мыть руки.

Аня уже прислала ей фотографию Ромы, но Шувалова пока не открывала мессенджер. Сначала она поужинала, и, несмотря на разыгравшийся аппетит, Милана с трудом засовывала в себя еду. Сказывался бесконечный стресс, которому в последнее время подвергался организм.

Две выкуренные сигареты подряд немного успокоили нервы девушки, и она отправилась к телевизору. Фоном шла какая-то передача. Милана достала телефон, открыла сообщение от Ани и нажала на фото, чтобы увеличить его. Глазам предстал темноволосый смуглый мужчина в белой рубашке, рукава которой были закатаны, и бежевых брюках. Он смотрел в камеру и слегка улыбался, сунув руки в карманы брюк.

Очевидно, снимали Рому летом на улице в солнечную погоду. Сквозь рубашку проступали накачанные мышцы.

Внезапно Шувалова почувствовала внутри тепло и тихо произнесла:

— Ты же хороший человек, почему ты так поступаешь?

Наварский не вызывал в девушке негатива, наоборот, он по ощущениям был даже приятнее Саши. Но что-то его здорово уязвило или задело, раз он решил идти до конца. У Миланы не стыковалось то, что она чувствовала от Ромы, с тем, что он делал. Если бы он был мстительным человеком или злым, способным на дурные поступки, то было бы понятно, почему Туманов коротает свои дни в СИЗО. Но у Ромы не было ни капли этих негативных черт в характере, и девушка была намерена узнать, что все-таки случилось с другом Туманова. И была готова пройти весь путь с Ромой, если это потребуется.

Прошла почти неделя пребывания Туманова в СИЗО. Постепенно он привыкал к распорядку дня. Саше давали позвонить, и он сразу набирал Аню. Она вновь хотела приехать к нему на свидание, но мужчина запретил ей это делать. Он помнил, как плохо ему было после последней встречи, и не хотел, чтобы очередное посещение бывшей супруги вынуло из него душу.

— Хватит того, что ты была здесь один раз, — уговаривал любимую Саша. — Представь, что я в санатории, и тебе сюда

нельзя.

— Так себе санаторий, Туманов, — ровно заметила Аня, которая разрывалась на части.

С одной стороны, она безумно желала увидеть бывшего супруга, с другой — понимала, что Саша прав. Ей тоже было плохо после их встречи, и она предпочитала верить в то, что Туманова вскоре освободят и они увидятся на воле.

Мужчина вернулся в камеру и лег на кровать. Он смотрел в потолок и не заметил, как на рядом стоящую койку сел сосед по камере по имени Федор.

— Чего, Санек, такой задумчивый? — спросил он, положив ногу на ногу.

— Да так, с женой поговорил, — нехотя ответил Туманов, не желая изливать душу кому бы то ни было.

— Поругались?

— Нет, просто скучаю, и после каждого нашего разговора мне не очень хорошо.

Федору было пятьдесят шесть лет, и это была его не первая ходка. В этом СИЗО его уже знали и считали за своего. Это был невысокий мужчина, настолько худой, что казалось, толкни его, и он поломается. Руки и ноги были похожи на сучки деревьев.

— Ничего, постепенно привыкнешь, — попытался утешить соседа по камере Федор.

— Не хочу к этому привыкать, — спокойно, но жестко ответил Саша. — Я и так уже многое потерял.

— Я тоже почти все потерял, у меня только моя Алка и осталась. И все равно пришлось сесть в тюрьму.

— Пришлось? — хохотнул Саша и перевел взгляд на мужчину. — Федь, ты так говоришь, словно кто-то другой твоими руками разбил витрину магазина и вытащил оттуда все, что только мог.

Туманов за всю свою карьеру навидался таких вот пойманных, которые потом клялись, что не понимают, как и зачем они пошли на преступление.

— Не, сделал это все я, но не по своей воле, — покачала головой Федя.

— А по чьей же? — Туманов не сводил удивленного взгляда с соседа.

— Прячусь я здесь, понимаешь?

— От кого? От коллекторов? Деньги кому-то торчишь?

— Если бы, коллекторы по сравнению с Валерой — маленькие дети.

— С Валерой? — нахмурился Саша.

Федя кивнул.

— Кто такой Валера?

— Валера — это черт, дьявол, сам сатана, который убивает любого, кто ему мешает или не слушается.

Туманов, который до этой секунды размышлял, откуда ему знакомо это имя, неожиданно вспомнил разговор с Соколовым, поджигателем. Он тоже рассказывал о некоем Валере, которого боялся до ужаса.

Саша подскочил на кровати, приняв вертикальное положение и повернувшись всем корпусом к Феде.

— Расскажи мне про этого Валеру! — потребовал Туманов. — Кто такой? Чем занимается? И почему вы все так его боитесь?

Федя хохотнул и повторил:

— Все! Значит, не я один готов наложить в штаны при одном его упоминании?

Саша согласно кивнул головой, во все глаза глядя на Федю и ожидая, когда тот начнет свой увлекательный рассказ.

— Что ты знаешь? — вновь спросил Туманов через несколько секунд. — Почему всех находят повешенными после того, как они расколются насчет этого Валеры, и полиция даже не занимается этими делами?

Внезапно Федор побледнел, его руки затряслись. Он ближе наклонился к Саше и спросил:

— Ты знаешь про висельников?

Туманов согласно кивнул, вглядываясь в глаза соседа, наполненные ужасом. Федя отклонился назад, все еще не в силах унять тремор в руках.

— Кто это такой? Почему его все так боятся? — в очередной раз спросил Саша, тон его голоса стал более жестким. Он не понимал, что это за мужчина, при упоминании имени которого у окружающих начинается паника.

Федя молчал, пытаясь подобрать слова так, чтобы его не угробили в этой самой камере. Словно Валера расставил по-

всюду жучки и сейчас подслушивает.

Туманов понял, что его сосед по камере слишком боится, чтобы сказать правду, и решил зайти с другой стороны.

— У меня знакомую убили, — устало произнес Саша. — Но все обставили так, будто она покончила жизнь самоубийством. — Туманов выдержал паузу и чуть тише добавил. — Повесилась! Знакомо тебе такое?

Глаза у Феди расширились от услышанного, но он продолжал хранить молчание. А Саша тем временем продолжал:

— Судмедэксперты установили, что и впрямь имел место суицид. Но я не поверил и начал собственное расследование. В итоге ниточки привели меня к бывшим сидельцам, а те, в свою очередь, начали вещать о некоем Валерии, которого они боялись так же, как ты. И по странному совпадению этих сидельцев в итоге тоже находили в петле, и опять полиция закрывала дело за отсутствием состава. Что скажешь на это, а? Совпадение?

— Значит, твоя знакомая перешла ему дорогу, — выпалил Федя, который, казалось, перестал дышать.

— Кому? Валере? — Саша наклонился ближе к сокамернику и говорил тихо.

— Ему самому!

— Я из тебя по слову буду вытягивать? — зашипел Туманов. — Почему вы все становитесь как кролики перед хищником в тот момент, когда речь заходит об этом вашем долбаном Валере?

— Потому что Валера и есть хищник, — так же тихо, но четко проговорил Федя.

— И ты его боишься?

— Уже нет. Здесь он меня не будет трогать.

— Почему?

— Не знаю, но тех, кто загремел за решетку он не трогает.

— Тогда рассказывай все, что знаешь! — вновь потребовал Саша.

Федя на секунду замер, а затем, прищурившись, тихо спросил:

— Откуда я знаю, может, ты его прихвостень? Возьмешь и придавишь меня ночью.

В Туманове проснулась злоба: ему надоело уговаривать сокамерника. У Саши покраснело лицо, и он очень тихо, но жёстко заговорил:

— Смею тебе напомнить, что это ты завёл песню о Валере, а не я. И зачем мне себя выдавать, если я работаю на Валеру? Я мог молча прикончить тебя, и дело с концом.

Кажется, это был последний аргумент, и он убедил Федю в том, что Туманов и впрямь не представляет для него угрозы.

— Если меня убьют..., — Федор начал грозить Саше указательным пальцем.

— Куплю тебе самый красивый гроб. Давай рассказывай!

На секунду сокамерник замер, не ожидая услышать подобную шутку от Санька, но спустя несколько мгновений спросил:

— Что ты хочешь знать?

— Все! Можешь начать с полного имени.

— Валерий, — ошарашенно произнес Федя, который не понял, что именно имел в виду Туманов.

Саша закрыл глаза и сжал руки в кулаки, потом открыл и, глядя в непонимающие глаза сокамерника, еле сдерживая себя, спросил:

— Фамилия у этого перца какая?

— Горбачев Валерий.

Саша продолжал глядеть на Федора, ожидая продолжения. Тот немного помолчал и добавил:

— Горбачев Валерий Дмитриевич.

— Отлично! — кивнул Саша. — К осени доберемся до его профессии.

— Почему к осени? — удивился Федя. — Он в нашей администрации заседает.

— В администрации города?

— Ну...

— Кем работает?

— Не знаю, но не простой служащий.

«Это понятно, — подумал про себя Саша, — у простого служащего нет таких связей».

— Дальше, — потребовал Туманов. — Сколько лет? Выкладывай все, что знаешь.

— Ему ближе к полтиннику, здоровый такой, не толстый, а просто крупный. У него везде связи. Он очень любит ра-

ботать через бывших ээков.

— Каким образом?

— Платит им деньги, чтобы те начали запугивать кого-то ему неугодного.

— Запугивать — это как?

— Как делал я. Мне давали фото человека и адреса, где он бывает. Я выслеживал, подходил и говорил, что ему скоро голову отрежут. Или чтобы он аккуратнее дорогу переходил. В общем, вариантов запугивания масса.

Саша тут же вспомнил Свету, которой как раз именно таким образом расшатывали нервную систему.

— Кто-то делает мелкие пакости, например, поджигает квартиру или машину. Уничтожают бизнес, порочат честь человека, — продолжал Федя.

— Поджечь машину — это мелкая пакость? — удивился Саша. — А что же тогда считается крупнячком?

— Убийство, — удивленно ответил сокамерник, словно это было само собой разумеющееся.

— Ладно, а зачем Валера все это делает?

— Он таким образом избавляется от людей, которые ему мешают.

— Ты что-нибудь знаешь о Свете Черкасовой? — резко спросил Туманов.

Федя на секунду задумался и ответил:

— Нет, не слышал про такую. Это твоя знакомая?

— Да.

— Видимо, ей занимались другие.

— Другие? — удивился Саша. — То есть несколько ээков, так сказать, работают с одним человеком?

— Конечно, я же говорю, неугодного давят со всех сторон. Ему планомерно разрушают жизнь, обрубают все социальные связи, лишают работы или бизнеса, портят репутацию, да еще давят морально. Один не выдержал и сам выпилился. Разогнался на автомобиле и влетел в столб. У него остались жена и дети.

Туманов задумался и, не особо питая надежды, все же спросил:

— Знаешь, как звали этого несчастного?

— Конечно, мой подопечный, — хохотнул Федя, и Саша вновь сжал кулаки. — Губанов Никита Викторович. У него был свой небольшой магазинчик со стройматериалами. Так мы ему до основания все разломали. Магазин подожгли, и ему пришлось закрыться. Окна били в квартире, благо он жил на первом этаже...

Саша держался из последних сил, чтобы не врезать Феде или хотя бы не начать читать нотации.

«Тяжело тебе придется в следующих жизнях», — подумал Туманов.

— Его жене пришлось в то время забрать детей и уехать к матери в другой город. А мы этого продолжили добивать, — Федя уже откровенно веселился, вспоминая былые дни.

Саша не мог больше слушать, как ээки издевались над

несчастливым мужчиной, и спросил:

— Сколько лет было этому Губанову и в каком году все это произошло?

— В 2023 году, ему то ли тридцать один год был, то ли тридцать два, уже не помню.

«Зато хорошо помнишь, как вы над ним изгалялись все дружно. Я бы тебя и сам повесил за это», — со злобой подумал Саша

— А почему ты решил спрятаться от Валеры в тюрьме? Что ты сделал? — поинтересовался Туманов.

— Скорее не сделал. Отказался от очередного перешедшего дорогу. Я встретил Алку и решил, что подвяжу с этими делами, но от Валеры так просто не уйдешь. От него только вперед ногами на тот свет.

— Алка это?

— Баба моя, люблю ее безумно, — мечтательно начал вспоминать Федя, и внутри Саша вспыхнуло уже знакомое чувство. Этот не самый законопослушный гражданин тоже умел любить. И именно это чувство заставило его пожертвовать собой.

— Я отсижу несколько годков и выйду. Валера за это время про меня забудет, а может, правосудие восторжествует и его посадят. А Алка сказала, что будет меня ждать.

Саша после некоторых раздумий задал очередной вопрос:

— Какой человек этот Валера?

— Холодный, — отстраненно ответил Федя, глядя в сто-

рону. — Я ж говорю, ощущение, что сам сатана явился на землю. Это не человек, люди так не поступают.

Саша содрогнулся, всем своим существом ощутив, какое зло сидит в человеке, который почти со стопроцентной вероятностью убил Свету.

«Выйду, разыщу вдову Губанова. Или попрошу Пашу к ней съездить, если вдруг останусь тут надолго», — в Саше проснулся полицейский, который уже продумывал дальнейший план.

У него наконец появились какие-то зацепки, но он, как назло, сидит в СИЗО и не может продолжить расследование.

— Ты бы не лез в это дело, — предупредил Федя.

Саша перевел на него взгляд, а сокамерник продолжил:

— Ты даже не представляешь, что он может сделать с тобой жизнью.

— Ты даже не представляешь, что я сам сделал со своей жизнью. Валере такое и не снилось, — голос Туманова звучал угрожающе.

— Ну как знаешь, — ухмыльнулся Федя и лег на свою койку.

Саша тоже принял лежащее положение и впервые за семь дней почувствовал бодрость духа и прилив энергии.

«Хоть какая-то польза от моего пребывания здесь».

Глава 35

Был последний рабочий день, и Милана молилась, чтобы он пролетел как можно быстрее. Девушка не спала уже третью ночь и не понимала, что с ней происходит. Вечерами ее ужасно клонило в сон после предыдущей бессонной ночи, но стоило Шуваловой лечь, как Морфей отступал, и Милана бодрствовала до самого звонка будильника. Успокоительные не помогали. Травяные чаи, от которых раньше наступала приятная усталость, сейчас казались обычной водой.

Из-за недосыпа Милана стала меньше есть и больше курить. Желудок неприятно ныл от того, что хозяйка решила пренебречь едой.

У девушки с самого утра тряслись руки, да и все внутренности, кажется, вибрировали, как отжимающая стиральная машинка. Шувалову пугало ее состояние, но она не знала, что делать и как заставить свой организм поспать. Казалось, что чем больше она не спит, тем сильнее вгоняет себя в стресс, а это, в свою очередь, лишь усугубляет бессонницу.

Милана налила себе крепкий кофе без молока и сейчас пила в надежде, что это поможет ей продержаться до вечера. Девушка старалась сосредоточить все свое внимание на работе, но усталый мозг все время отвлекался.

— Конечно, сейчас я хочу спать, — пробубнила Милана, которую раздражало, что ее клонит в сон лишь на работе.

Неожиданно перед глазами Шуваловой что-то промелькнуло. Словно кто-то прошел мимо и махнул черным покрывалом. Девушка автоматически отмахнулась и тут же осмотрелась. Никого! В кабинете она одна. Милана еще несколько секунд водила взглядом по помещению и только собралась вновь вернуться к работе, как очередное черное покрывало мелькнуло перед ее взором.

Девушка подскочила — кресло уехало назад и ударилось о стену. Милана с быстро бьющимся сердцем во все глаза пыталась найти того, кто мешал ей работать. Но в кабинете, кроме блондинки, не было никого.

И вновь что-то черное проскочило перед взглядом Шуваловой, и она наконец разобрала, что это было не покрывало, а чья-то рука с когтями. Милана замахала руками, дабы изгнать наваждение, и в этот момент в кабинет вошел Дубровин. Он замер в дверях и стал оглядываться, дабы понять, от чего именно отмахивается его подчиненная.

— Кто-то в кабинет залетел? — спросил Павел.

«Ага, моя шиза», — подумала про себя девушка.

— Нет, — Милана закрыла руками глаза и нахмурилась, — просто что-то мерещится.

— Мерещится? Как Саньке?

— Не знаю, Павел Семенович, — устало ответила Милана и посмотрела на начальника. — Я не сплю уже третьи сутки.

— Вообще не спишь? — удивился Дубровин, заходя в кабинет и закрывая за собой дверь.

— Вообще, всю ночь тарашусь в потолок в надежде уснуть. Не понимаю, что со мной, никакие успокоительные не помогают.

Паша задумался, а Милана продолжила:

— Мне надо помочь Саше, а я никак не могу прийти в себя. И мое состояние лишь усугубляется.

Вновь перед глазами девушки мелькнула черная рука с когтями и, сделав круг в воздухе, повисла за спиной начальника. Вокруг руки была черная дымка, будто это чей-то рукав. Дым поднимался вверх, словно это была не рука, а сигарета. Милана округлила глаза, наблюдая за тем, чего быть никак не могло.

Дубровин смотрел в пол, раздумывая, и не увидел, с каким ужасом подчиненная смотрит за его спину.

— Может, врачу показаться? Психиатру. Он выпишет, что посильнее. Я слышал, что человек начинает сходить с ума, если не спит более трех суток, — с этими словами Паша поднял глаза и заметил, как Шувалова указывает пальцем за его спину и не может произнести ни слова. — Милана, что?

— Вы это видите? — шепотом спросила девушка.

Дубровин обернулся, но за его спиной был лишь шкаф.

— Что именно? — удивился Паша, понимая, что три ночи без сна не пошли Милане на пользу.

— Это, — ответила Шувалова и начала замечать, что черный дым вокруг руки разрастается.

— Что ты видишь? — напрягся Дубровин, но подчинен-

ная больше не отвечала, она лишь медленно поднимала глаза наверх, следя за рукой, которая начала возноситься к потолку.

Паша переводил взгляд со шкафа на Милану и обратно, и его начинало пугать поведение Шуваловой.

— Ты можешь сказать, что происходит? — потребовал Дубровин, и в этот момент Милана заорала не своим голосом и попыталась сделать шаг назад, но позади был стол. Девушка поняла, что отступать некуда, упала на пол и, продолжая орать, заползла под стол. Черное нечто кинулось на нее.

— Милана, что? — воскликнул Паша и наклонился к подчиненной, но та забилась в угол и кричала нечеловеческим голосом. Было件нятно, что ей очень страшно. — Милана, что ты видишь?

Но девушка была не в себе. Она никак не могла успокоиться, крича и словно намереваясь слиться со столом. Из глаз у нее брызнули слезы. Она обхватила колени руками, не в силах прийти в себя.

Паша тут же достал сотовый телефон из кармана и набрал 103.

— Примите вызов, — взволнованно произнёс Дубровин.

Милана медленно вынырнула из сна. Она чувствовала, что наконец выпалась: внутри было спокойно впервые за несколько дней.

Девушка открыла глаза и оглядела стены палаты, в кото-

рой она по счастливой случайности лежала одна. Было утро пятницы — праздничный день. Шувалова планировала поехать в деревню к маме, но поездка откладывалась. Накануне ее забрали в больницу в неврологическое отделение и сказали, что не отпустят ни при каких обстоятельствах.

Сначала врач со скорой вколол Милане успокоительное, и все эмоции девушки словно придавило плитой. Больше никаких черных рук и тремора, одна сплошная тишина.

Когда в больнице узнали, из-за чего у Миланы случилась истерика, они поставили ей еще один укол, и девушка наконец заснула. Диагноз врачей: острое стрессовое состояние.

Шувалова повернулась на спину. Ей стало намного легче, правда, жутко хотелось есть.

Милана подняла голову и увидела телефон на тумбочке рядом с кроватью. Девушка протянула руку и взяла сотовый. На экране высветилось сообщение от начальника: «Милана, позвони, как проснешься». И два пропущенных с незнакомого номера.

Девушка нашла номер начальника в телефоне. После второго гудка ответил взволнованный Павел:

— Милана, привет, ты как?

— Уже лучше, Павел Семенович, — кивнула Шувалова.

— Тебе Санек звонил, после обеда будет еще раз попробовать.

— У меня нет пропущенных от Туманова, — удивилась Милана. — Только один незнакомый номер.

— Это и есть Санек, у него же телефона в СИЗО нет. Звонит с чужого, так что держи мобильник при себе и обязательно ответь.

— Хорошо, — Милана немного помолчала и виновато продолжила. — Вы извините за вчерашнюю истерику, я не...

— Не переживай. Именно по этому поводу Саша и хочет с тобой поговорить. Он знает, почему это произошло, и объяснит тебе весь процесс.

— Откуда он знает?

— Откуда он знает, — повторил Паша. — Почему вода мокрая?

— Ясно, — улыбнулась Милана.

— Если все хорошо, то тебя сегодня выпишут. Позвони мне, и я отвезу тебя домой.

— Хорошо, спасибо.

Шувалова отключилась, положила телефон обратно на тумбочку, и в этот момент в палату вошел врач:

— Милана Андреевна, как вы себя чувствуете?

Саша сидел на кухне за столом и колупался в тарелке. Есть совсем не хотелось, настроения не было. Он совершенно не слушал Варю, которая трещала без умолку. Мысли Туманова занимала лишь одна женщина — некая Аня, которую он никогда не видел, но создавалось впечатление, словно он был знаком с ней целую жизнь.

— Санечка, ты меня слушаешь? — позвала Варюша.

Туманов резко поднял голову и посмотрел на Рошину, которая сразу поняла, что ее любимый мужчина думает о чем-то своем. Глаза были пустые, и Саше пришлось приложить усилие, чтобы вернуться обратно на свою кухню.

— Ты где там? — задала очередной вопрос Варя.

— Да так, задумался, — Саша отложил вилку и потер глаза, — день был тяжелый.

— Я так и поняла, совершенно меня не слушаешь.

Туманов вновь посмотрел на ту, с которой жил и от которой у него был ребенок, и внезапно в его голове вспыхнул единственный вопрос:

«Почему я с тобой?»

Саша внезапно осознал, что ничего не испытывает к Варе. Любви не было, чувств не было, лишь одно желание, которое он испытывал к ней постоянно — это затащить девушку в постель. Мужчина не понимал, как так получилось, что он связал свою жизнь с той, которая была ему безразлична.

Туманов нахмурился. Он не помнил, как зовут его сына, он не знал, женаты ли они с Варей или нет. Голова была будто в тумане, и мужчина слегка напрягся. Подобные провалы в памяти его пугали, но задавать вопрос о своем матримониальном статусе Рошиной он не собирался. Зато некая Аня была ему знакома, и он словно скучал по тому, что ее нет в его жизни.

— Все в порядке? — насторожилась Варя и внимательно посмотрела на любимого мужчину.

— Не знаю, — Туманов отодвинул стул, встал и вышел из кухни, оставив Рощину наедине с недоумением.

Саша прошел в гостиную и подошел к окну. Небо заполнили грозовые тучи, природа явно собиралась обрушить свою мощь на город. Мужчина нахмурился. Он никогда не ощущал ничего подобного внутри себя, но внезапно ему стало морально невыносимо находиться в собственном теле. Было желание сесть в машину и уехать куда подальше, если это поможет сбежать от себя. Туманову захотелось найти некую Аню и уйти к ней от той, которую он никогда не любил. Мужчина не понимал, как он раньше не замечал того, что они с Варей друг другу не подходят.

— Если тебе хорошо с женщиной в постели, так занимайся с ней сексом, но не тащи ее под венец, — так всегда говорил ему Артем, и сейчас Саша понял, насколько друг был прав.

Но Туманов категорически не мог вспомнить, как он оказался в этой семейной ловушке и что ему теперь делать. Раньше его все устраивало и ему все нравилось. Но сейчас словно все было по-другому, все медленно менялось, и это Саше категорически не нравилось. Он стал иначе смотреть на своего лучшего друга Темыча, который был чересчур помешан на женщинах и совершенно не уважал противоположный пол. Он понял, что не любит Варю, которая была словно пустой игрушкой. Он понял, что их совместная жизнь — это ошибка.

Но Саша не мог вспомнить ту самую точку отсчета, когда он во все это ввязался. В голове не было воспоминаний, словно и самого Туманова раньше не существовало.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Саша.

— Лучше, — ответила Милана, — я наконец поспала, меня накачали таблетками, и мне намного лучше.

Был вечер, девушка стояла на кухне возле форточки и курила. В одной руке она держала сигарету, в другой — сотовый телефон. Внутри нее было спокойно впервые с тех пор, как она первый раз увидела сон с падающим самолетом.

— Ты как? — поинтересовалась Шувалова.

— Все по-прежнему, — как-то странно ответил Туманов. Его голос был бодрый, но улавливалась нотка грусти.

Саша находился в СИЗО уже больше недели и постепенно приучал себя к мысли, что в ближайшее время из-за решетки он не выберется.

— Ты извини, что я до сих пор не смогла поработать с Ромой, — начала оправдываться Милана. — Я правда очень хотела, но после нашей с тобой встречи я вообще перестала спать.

— Подожди, не бери на себя больше, чем сможешь унести, — прервал коллегу Саша.

— В смысле?

— Тебе стало плохо, потому что ты чересчур пыталась мне помочь, забыв о том, что ты не всесильная.

Милана выпустила сигаретный дым, ожидая продолжения.

— Ты так хотела вытащить меня из тюрьмы, что зациклилась на этом.

— Конечно, я хочу тебе помочь.

Туманов покачал головой.

— Перво-наперво ты должна понять, что если мне надо здесь отсидеть пятнадцать лет, то я отсижу, и никто ничего не сможет сделать. Понимаешь? Есть воля выше нашей, и ты можешь быть винтиком в механизме, но не самой машиной, — мужчина взял паузу, чтобы дать Милане осмыслить услышанное, и чуть погодя продолжил. — А ты решила, что ты машина, которой достаточно сделать лишь одно движение, и все изменится. А это так не работает.

До девушки начало доходить. Она понимала, что может вытащить Сашу из тюрьмы, была чуть ли не единственным человеком, способным на это, и чувствовала на себе огромную ответственность. Она знала его семью и хотела помочь им вновь быть вместе.

— Я, кажется, поняла, — тихо ответила Милана. — но я все равно буду пробовать.

— Я и не говорю, что ты не можешь пробовать. Я говорю, чтобы ты помнила, что ты лишь часть общего, а не обособленное целое.

Шувалова задумалась. Никогда она не думала о том, что помощь другому человеку может оказаться коварной для нее

самой. И что такая благая вещь должна быть упакована в определённые законы этого мира.

— Рома больше не приходил? — спросила Милана.

— Нет.

— А Аня?

— Я запретил ей. Нам обоим плохо после подобных встреч. Проще делать вид, что мы не можем встретиться, и созваниваться по телефону, — в голосе Саши вновь проскочили грустные нотки.

Милана догадывалась, что Туманов тоскует по семье, и его изменившийся тон лишь подтвердил ее догадки.

— Саш, я сделаю все, что в моих силах! Обещаю!

Глава 36

Туманов шел уже знакомым путем в комнату для свиданий и гадал, кто бы это мог быть. Аня точно не придет к нему, они пару часов назад разговаривали по телефону. Паша и Милана тоже не планировали навещать его.

«Может, Рома?» — размышлял Саша.

Это вполне мог быть бывший лучший друг.

«И чего он хочет? Вытащить меня? Или добить морально?»

Настроение упало. Внезапно Туманов почувствовал жуткую апатию, так как понял, что он здесь надолго. И если это Рома, то вряд ли он явился с хорошей новостью.

Саша подошел к знакомой двери, и конвоир распахнул ее. Из комнаты для свиданий потянуло сладким парфюмом. Что-то знакомое было в этом аромате, напоминающем о прошлом.

— Входите! — произнес конвоир.

Туманов сделал несколько шагов и замер на пороге. За столом лицом ко входу сидела...

— Варя? — воскликнул Саша и нахмурился. Внутри него все перевернулось, футболка тут же прилипла к телу, сердце застучало быстрее. Мужчина не ожидал такой реакции от себя при виде бывшей любовницы.

— Привет, Санечек, — проворковала Рощина, с улыбкой

глядя на Туманова.

Она сидела, закинув ногу на ногу, один из локтей покоился на спинке стула. Одета в светло-бежевую блузку и черную юбку, девушка, как всегда, выглядела элегантно. Все те же яркие красные губы, ухоженное лицо и светлые волосы, словно взбитые сливки.

Саша отметил, что Варя практически не изменилась, за исключением одной детали. В ее лице появилась серьезность, которой не было ранее. Очевидно, материнство повлияло на нее и сделало не только более серьезной, но и более жестокой. Мужчина сразу это почувствовал. Раньше Варя была веселой, легкой на подъем и не думающей о будущем.словно заводная кукла: красивая и пустая. Но сейчас внутри у нее появился стержень, и Саше это категорически не нравилось. Этой девице явно было что-то нужно от Туманова, и она это возьмет.

— Я не хочу с ней общаться, уведите меня, — потребовал Саша и повернулся к конвоиру, но тот как-то странно покачал головой.

— Санечка, садись. Нам есть, о чем поговорить, — фальшиво ласково произнесла Варя.

— Нам не о чем разговаривать, — дернулся Туманов, и обеда взглядом комнату для свиданий, спросил. — Это твоих рук дело?

— Нет, — Рощина продолжала улыбаться, — твоих. Это ты убил Агеева.

— Присаживайтесь, — твердо произнес конвоир, и Саше ничего не осталось, кроме как плюхнуться на свободный стул и оказаться лицом к лицу со своей самой большой ошибкой.

Дверь закрылась, и бывшие любовники остались наедине.

— Ты чуть не убила Аню, почему ты до сих пор на свободе? — грубо спросил Туманов, которого начала раздражать дурацкая улыбка на лице Рощиной.

— А почему ты разгуливал на свободе после убийства задержанного? — нагло спросила Варя и чуть приподняла подбородок.

Саша молчал, пытаясь взять себя в руки. От нервов его дыхание участилось, и ему стоило усилий, чтобы не наговорить Варе грубостей или, того хуже, не выкинуть ее за дверь. Это точно не прибавило бы ему очков.

— Ты забыл, кто мой папа? — вдогонку задала следующий вопрос девушка.

— Чего тебе надо? — грубо спросил Саша.

— Ничего особенного, мне нужен ты! — чуть тише ответила Рощина. — Мне и нашему сыну.

Туманов содрогнулся. Все его попытки убедить себя в том, что связь с Варей — это лишь дурной сон и никакого ребенка не существует, сейчас окончательно провалились. Мужчина не первый раз пытался спрятать то, что лежало на самом видном месте. И хоть все вокруг давно уже все поняли, Саша продолжал жить в мире иллюзий, который только

что разрушила эта девица.

— Как видишь, я немножко не свободен, — развёл руками Саша и ехидно улыбнулся.

— То есть дело только в этом? — искренне удивилась Варя. — Так я решу эту проблему, и ты выйдешь отсюда уже сегодня.

Улыбка спала с лица Туманова, и он задал вопрос, вполне понимая, какой будет ответ:

— И что ты хочешь взамен?

— Чтобы ты ушел ко мне.

Саша хохотнул и потер глаза.

— Допустим, я соглашусь, — начал размышлять мужчина. — Выйду, а затем вернусь к Ане. И что ты сделаешь?

— Добьюсь того, чтобы тебя посадили обратно! — внезапно голос Вари стал грубым, а с лица слетела улыбка. Эта девушка явно была настроена серьезно.

Саша выдохнул. Кажется, Рома и Варя играли в одну и ту же игру. Туманов был для них марионеткой, а они дергали за ниточки в своих собственных корыстных целях. Мужчине это надоело, и он в очередной раз убедился в том, что проще отсидеть.

— Исключено! — резко ответил Саша и добавил. — У тебя все? Если ты приходила ко мне, чтобы сделать подобное предложение, то я его отклоняю и возвращаюсь в камеру.

Мужчина уже собирался встать, как внезапно Варя вновь сменила тон и мармеладным голосом спросила:

— Ты не хочешь узнать, как наш сын? Как его зовут? Когда он родился?

— Нет, — замотал головой Туманов, глядя в глаза бывшей любовницы. — Мне это неинтересно.

— Ну как же, Санечек? Ведь это твой сын.

— У меня есть дети только от Ани, когда ты это поймешь? — грубо спросил Туманов.

— А когда ты поймешь, что твое отрицание сего факта не влияет ровным счетом ни на что? — Варя слегка подалась вперед и говорила чуть тише, словно угрожала. — Ребенок существует, и он твой.

Саша тут же словил состояние Рощиной. Это была не просто девочка-погремушка, это была мать, которая всеми силами защищала своего ребенка и хотела, чтобы Саша его признал.

— Это твоя ответственность. Ты не предохранялась..., — начал Туманов.

— Ты тоже, — напомнила Рощина.

— Ты решила не избавляться от этого ребенка...

— Этот ребенок — наш сын! — громко произнесла Варя и хлопнула ладонью по столу.

Но Саша, не обращая внимания на перемену в ее настроении, спокойно закончил:

— Соответственно, воспитывать ты будешь его так же, как ты принимала все свои предыдущие решения — одна.

Варя внимательно смотрела на Сашу и молчала. Она дав-

но знала, что он за человек и какой у него характер. И сейчас умело играла на его нервах по его правилам. В очередной раз ее серьезное выражение лица сменилось лучезарной улыбкой, и она вновь спросила:

— Знаешь, как его зовут?

Туманов молчал, а Варя продолжила:

— Саша!

Мужчина пожал плечами и спросил:

— Что, Саша?

— Ты не понял, его зовут Саша. Туманов Александр Александрович, — Варя откинулась на спинку стула и победоносно смотрела на мужчину.

Саша вздохнул и грубо спросил:

— Как тебе удалось дать ему мою фамилию?

— А как тебе удалось отмазаться от убийства Агеева?

Туманов потер глаза. Он внезапно вспомнил о своем сыне, которого должна была родить Аня и который, к большому Сашиному сожалению, так и не увидел свет. И теперь эта девица мало того, что рождает мальчика, так еще и дает ему имя Александр.

— Он родился двадцать седьмого января, — продолжила Варя, которой понравилось, как побледнел ее любимый мужчина после известия об имени ребенка.

«Лиза родилась двадцать шестого января, Алина третьего февраля. Шикарно! Все дети рядом», — с горечью подумал Туманов.

— Тебе как в камере, нравится? — внезапно спросила Варя, с лица которой вновь спала улыбка.

— Привык! — грубо ответил Саша.

— Теперь привыкай к тому, что у тебя есть еще один ребенок. И что этому ребенку тоже нужен папа, и желательно рядом. Воскресный папа нас не устраивает.

Туманов немного помолчал и наконец спросил:

— Когда ты поймешь, что я тебя не люблю, и перестанешь передо мной унижаться?

Варя продолжала серьезно смотреть на Туманова.

— Какая у нас будет семья, ты не думала? — продолжил мужчина. — Как ты себе это представляешь? Я тебя не люблю. Ты мне не нужна. Мы просто были любовниками, я развлекался с тобой. И наша связь зашла слишком далеко. Зачем тебе все это?

Задав последний вопрос, Саша почувствовал, как у него встал ком в горле — это была Варя. Она еле сдерживалась, чтобы не заплакать. Туманов понял, что она готова на все, чтобы быть с ним вместе. Терпеть его унижения, лишь бы он был рядом. Девушка любила его, пускай это была ненормальная любовь, но она была.

— Что молчишь? — спокойно спросил Саша.

— Мое предложение в силе, Санечек, — сказала Варя, поднимаясь со стула. — Ты просидишь здесь минимум восемь лет. А я предлагаю тебе свободу с условием, что ты уйдешь к нам.

— Какая разница, в какой тюрьме сидеть? — спросил Туманов, глядя на Рощину, которая не ожидала подобного вопроса и с болью в глазах посмотрела на любимого мужчину. — Я останусь с Аней при любом раскладе.

Варя взяла со стола сумку, сдернула со стула куртку и, чеканя шаг, вышла в коридор.

Милана сидела на диване в своей квартире и рассматривала фотографию Ромы в телефоне. После рабочего дня, все еще полная сил, она решила, что пришло время помочь Туманову выбраться из-за решетки или хотя бы приблизить его выход на свободу.

Девушка вглядывалась в карие глаза Наварского, его добродушное лицо и ощущала лишь приятное тепло в груди. Этот мужчина не казался ей злым и мстительным, и она поняла, что должна вместе с Ромой пройти весь этот путь. Она должна погрузиться и оказаться в его воспоминаниях вместе с ним.

— Как мне это сделать? — задавалась вопросом Шувалова, не сводя глаз с фотографии Наварского.

Ответа не было. Она все так же сидела на своем диване.

«Помогите мне», — мысленно попросила девушка, не особо надеясь на удачу.

Рома в этот самый момент тоже сидел дома и смотрел на выключенный телевизор. Настроение было паршивым, мужчина все еще сидел на антидепрессантах, но они словно пе-

рестали давать тот эффект, который был в самом начале.

До ареста Саши Наварский еще сомневался, стоит ли это делать, но, увидев бывшего лучшего друга в компании незнакомой девушки, внутри Ромы поднялась волна негодования. Саше все время везло с женщинами, хотя он вел себя с ними неподобающе, как считал сам Наварский. Рома же всегда относился с уважением к противоположному полу, и в итоге прекрасные создания вытирали о него ноги.

Следователь сжал руки в кулаки. Лучшим решением было в очередной раз набить морду Туманову, но Рома пересилил себя и решил, что идеальным вариантом отомстить будет посадить Сашу за решетку. Навсегда или пугануть — Наварский еще не решил, но он злился и не мог найти объяснение своей злобе, которая требовала выхода и была совершенно неясна для самого следователя.

Внезапно Рома вспомнил свои подростковые годы. Вот он во дворе играет с пацанами, среди которых его лучший друг Сашка. Он всегда был активным, задорным и задиристым. Рома был спокойнее и рассудительнее. Саша мог ввязаться в драку, если кто-то кого-то обижал. Защищать слабого — это было в характере Туманова. Наварский же действовал мягче, дипломатичнее, больше говорил, нежели махал кулаками, и это приносило свои результаты. Все во дворе называли Рому старшим братом Саши. И если бы не разительное внешнее различие, то вполне можно было поверить в то, что так и было.

Наварский не заметил, как вслед за своими воспоминаниями сам оказался в прошлом. Мужчина стоял посреди двора и наблюдал за молодыми людьми, которые сидели на лавке неподалеку. Рома вспомнил этот момент и этот разговор. Саша расстался с очередной девушкой из-за новой пассии. В то время как Рома переживал не самый лучший период в своей жизни. Его девушка, с которой он встречался несколько лет, внезапно бросила его и сейчас готовилась к свадьбе с другим мужчиной.

— Санчо, так нельзя, — убеждал друга Наварский. — Ты относишься к женщинам так, словно ты в магазине. Сегодня с одной, завтра с другой.

— Ромыч, я люблю женщин, и именно поэтому не считаю нужным заикливаться на одной, — отвечал, улыбаясь, Саша, который был убежден, что Наварский еще слишком молод, чтобы убиваться из-за той, которая бросила его, и уж тем более жениться на ней. — Слишком много сладкого меня окружает.

— Диабет не боишься заработать?

— Не боюсь, я свою дозу знаю.

Наварский смотрел на развернувшуюся сцену и в этот момент словил странное ощущение. Словно внутри него был сосуд, который после данного разговора слегка наполнился чем-то неприятным. Будто внутрь плеснули немного грязной воды.

В своих воспоминаниях Рома двинулся дальше. И каж-

дый раз мужчина сталкивался с собой и Сашей в прошлом. И каждый раз тема касалась женщин. К Туманову тянулся противоположный пол, ему даже ничего не надо было для этого делать. Наварский же был как проклятый — один, имеющий лишь успешную карьеру. Рома всегда считал, что своим одиночеством он рассчитался за профессиональный рост в следственном комитете.

Наварский никогда не завидовал Туманову в том, что он был более успешен у женщин. Рома всегда относился к Саше как к младшему брату, и ему в принципе не было знакомо понятие зависти. Но с каждым новым Сашиним романом, а впоследствии и с каждой новой изменой, сосуд Ромы все больше и больше наполнялся чем-то грязным. Мужчина не осознавал этого раньше и только сейчас понял, что его недовольство поведением Туманова сказывалось на самом Наварском. Внутри копилась обида за тех женщин, которых Саша использовал и бросил. За Аню, которая была недостойна всей той боли, которую ей причинил Туманов.

Но Рома молчал. Конечно, иногда он делал замечания, пытался вразумить друга, но все без толку. Саша продолжал катиться по уже проторенной тропе, которая совсем скоро оказалась крутым откосом.

Неожиданно Рома оказался на собственной кухне осенью прошлого года, где помимо него были Лариса и Саша. Наварский стоял на входе и наблюдал развернувшуюся сцену, которая вновь причиняла ему боль. Это был день, когда Ту-

манов и Соловицкая познакомились. В тот день Рома был счастлив как никогда, но только сейчас мужчина понял, что его сердце молчало по отношению к Ларисе. А сама Соловицкая эмоционально, словно была заперта в непроницаемом ящике, и не испытывала к Роме ничего.

В противоположном углу стояла Милана, которая видела всех участников процесса, в том числе и путешествующего Рому из настоящего, но остальные не видели ее. Шувалова не понимала, что это за мероприятие, но, увидев потерянные глаза Наварского, поняла, что ему невероятно больно наблюдать за этим воспоминанием.

— Все будет хорошо! — прошептала Милана, обращаясь к Роме. — Доверься мне. Ты должен через это пройти!

Все трое сели за стол. Рома видел, что сосуд внутри него в прошлом был полон. Для грязной воды больше не осталось места. И внезапно мужчина осознал, что его внутреннее состояние полностью соответствует состоянию Ларисы, которая его не просто не любила, она его люто ненавидела. Только сейчас Наварский понял, что в тот момент он и не мог встретить девушку, которую полюбил бы и которая полюбила бы его. Его внутреннее недовольство Тумановым и тем, как он относился к противоположному полу, не оставило места для любви.

Милана тоже все это видела и поняла, что самая жуткая для Ромы сцена еще впереди. Но он должен через это пройти, чтобы у него не осталось вопросов.

Наварский только сейчас понял, что даже в тот момент, когда Лариса еще не раскрыла свое истинное «я», он не испытывал к ней никаких чувств. Что-то внутри него, что-то неосознаваемое, уже давно все знало, но сознание Ромы было уверено, что он встретил ту самую.

Наварский обнимал Соловицкую, но они были не одним целым, а двумя совершенно разными людьми, которые не подходили друг другу, но, тем не менее, должны были встретиться.

Шувалова почувствовала, как комната начала вращаться, и вот они всем составом переместились в холодный декабрьский день, когда Лариса чуть не убила двух друзей.

Картина, представшая глазам Миланы, шокировала. Наварский тоже не ожидал воочию увидеть себя со стороны, лежащим головой на столе и не способным пошевелиться.

Сосуд внутри Ромы очистился лишь на четверть, но грязной воды до сих пор хватало. Лариса расхаживала мимо друзей с огромным кухонным ножом, и до Ромы долетали обрывки фраз:

— Я хочу, чтобы ты страдал, потому что ты тоже заслужил это, — произнесла Лариса, и только сейчас Наварский увидел, что он действительно все это заслужил. Мужчина почувствовал это всем своим существом, но не мог найти этому разумного объяснения.

— Терпеть несколько месяцев прикосновения от мужчины, который тебе противен. Заниматься с ним сексом, хотя в

этом ты был хорош, мне даже симулировать не приходилось, — очередная фраза, как обухом, ударила Наварского по голове. Он не ожидал услышать это во второй раз, но внезапно заметил, что сосуд внутри него стал наполовину чист.

Рома не понимал, что происходит и как он вообще здесь оказался.

— Каково это умирать, понимая, что женщина, в которую ты влюбился, в свою очередь, не просто не любила тебя, но банально использовала, еще и испытывая при этом отвращение к тебе и твоему дружку? — очередной вопрос от Ларисы, от которого похолодела сама Милана. Она посмотрела на Наварского, но тот стоял спокойный, лишь слегка приоткрыл рот от удивления.

Мужчина воспринимал все стойко, или же просто создавалось такое впечатление.

Перед глазами Наварского все закрутилось, и вот он в СИЗО, в комнате для свиданий. Сосуд почти чист, лишь немного грязной воды плещется на дне. Перед Ромой сидит Лариса, которая довольно грубо произносит:

— Какие дети, Рома? Рожать от тебя? От слабохарактерного и ведомого? Ведь ты делал все по указке Туманова.

И только сейчас Рома заметил, как его сосуд стал кристально чист, но в этот самый момент что-то внутри него словно закрылось. И мужчина сразу понял, что произошло.

Милана в ужасе слушала, какие слова бросает в лицо Наварскому Лариса, но сам Рома оставался бесстрастным. Аня

и Саша сложнее проходили через свои воспоминания. Наварский же оказался крепким орешком. Милана смотрела на него, на его накачанные плечи, серьезное лицо, слегка растрепанные волосы, но в следующую секунду она оказалась у себя в квартире на диване и поняла, что путешествие окончено.

Глава 37

Неожиданно для Саши ужесточили правила пребывания в СИЗО. Если раньше он мог позвонить пару раз в день своим близким, то сейчас это оказалось для него под запретом. Ему разрешили сделать лишь один звонок Ане и предупредить, что пока они не смогут созваниваться.

— Что-то случилось? Ты что-то сделал? — взволнованно спросила бывшая супруга.

— Нет, ничего не делал, — устало выдохнул Туманов. — Не переживай, малыш, это ненадолго.

Кроме того, были запрещены любые свидания для Саши, который недоумевал, зачем Роме понадобилось ужесточать условия. Неужели Милана еще не пробовала работать с Наварским? Или попробовала, и у нее не получилось? Теперь Туманов не мог этого узнать, так же как не мог передать информацию Паше, чтобы он пробил по своим каналам Валеру и некоего Губанова Никиту, который обнулился, не выдержав давления со стороны Горбачева.

Саша оказался в вакууме, в котором не было никакой связи с внешним миром и который невероятно давил морально. Мужчина думал, что уже привык к тюремным условиям, но только сейчас осознал, что Рома сделал их слишком мягкими. И, видимо, решил, что пора переходить к более тяжелой артиллерии.

Но только Туманов убедил себя, что и эти ограничения рано или поздно кончатся, как наступили более темные времена. На следующий день его перевели в штрафную камеру и запретили прогулки.

— Что происходит? Почему меня в карцер? — без конца спрашивал конвоира Саша, которому приказали завести руки за спину и надели наручники.

Мужчина не мог поверить, что все это происходит с ним. Он ничего не нарушал, жил согласно расписанию, ни с кем не ругался и вообще старался не отвечивать. И в итоге за хорошее поведение его помещают в штрафную камеру на пятнадцать суток.

Конвоир, провожавший его, оказался новичком, которого Саша ни разу не видел. Высокий коренастый мужчина лет сорока довольно грубо толкал заключенного, словно у него были с ним свои счеты.

Они дошли до камеры, конвоир снял наручники и вновь толкнул Туманова в камеру. Последний, не ожидая этого, запнулся и упал на пол.

— Посиди, подумай, — как-то странно произнес конвоир и захлопнул камеру.

— Подумать о чем? — дерзко спросил Саша, но дверь уже закрывали на замок.

Туманов огляделся, и ему стало не по себе. Кажется, ему выбрали самую старую и убитую камеру, в которой давно не было ремонта. Стены, с которых постепенно осыпалась си-

няя краска, серый бетонный пол, кровать, на которой лежали лишь матрас и подушка. Небольшое зарешеченное окно под потолком, в которое не видно даже небо. С потолка в углу капала вода.

Мужчина забрался на кровать и прислонился к стене.

«Хуже только в аду», — мелькнуло в голове Туманова, который не ожидал оказаться в подобной клетке, где не только мало места, но и мало воздуха.

«О чем я должен подумать?» — недоумевал Саша, на которого с первой же секунды, как он здесь оказался, стали давить стены.

Мужчина осознал, что долго он здесь не протянет. Он боялся, что скорее сойдет с ума, чем привыкнет к подобным условиям. Пятнадцать суток — это больше, чем две недели. И нет гарантии, что ему не продлят срок пребывания в камере.

Саша думал, что самое худшее позади. Он уже в СИЗО, и даже максимальный срок его уже не пугал. Но сейчас все оказалось гораздо хуже, и нет гарантии, что Туманов не уедет отсюда напрямик в психиатрическую лечебницу. Или того хуже — на кладбище.

Рома расхаживал по квартире и не мог понять, что сейчас произошло. Он словно пробежался по волнам памяти и внезапно все для себя осознал. Мужчина будто впал в забытие, в котором смог посмотреть на свою жизнь и свое поведение

со стороны. И понять, что он в корне был неправ во многих моментах, а особенно в ситуации с Тумановым.

Но все же оставалось место для сомнений, и Наварский не исключал, что ему лишь показалось. Все же он сидит на антидепрессантах, и неизвестно, как они влияют на его психику. Возможно, все это лишь галлюцинации, не имеющие ничего общего с реальностью. А психолог и подавно скажет, что это лишь подсознание вытаскивает наружу травмирующие воспоминания.

Рома встал перед окном, глядя на угасающий вечер.

«Вытащить Туманова из тюрьмы? Ни за что! Пусть посидит. У него там вполне вольготные условия», — размышлял мужчина.

После путешествия в прошлое Наварский чувствовал себя намного лучше. Он-то думал, что вся проблема кроется в Ларисе, но нет, проблема была в нем самом. И Рома стал частично осознавать, что Саша и впрямь ни при чем. Но следовательно не хотел сдаваться так быстро и планировал все еще как следует обдумать, прежде чем выпускать на волю Туманова.

— Или не выпускать! — задумчиво произнес Наварский, который уже давно выстроил стену между собой и бывшим лучшим другом.

Три дня спустя

Саша сидел на кровати, прислонившись к стене. Он за-

прокинул голову и пытался разглядеть в маленькое окошко хоть клочок неба, но безуспешно: лишь решетки и странный серый цвет непонятно чего.

Мужчина находился в карцере уже несколько дней, и это были самые тяжелые дни в его жизни. Никогда бы он не мог подумать, что Рома поступит с ним таким образом. Никогда бы Саша не поверил, если бы ему сказали, что Наварский способен на подобный поступок. Туманов не верил, что Рома был настолько уязвлен и обижен, что сотворил со своим бывшим лучшим другом такое.

Саше были запрещены не только звонки, но и прогулки. С ним не общались даже сотрудники СИЗО, и мужчина ощущал странные изменения в своем разуме. Оказывается, чтобы свести с ума человека, много не надо. Лишь запереть его в штрафной камере и лишить любого общения.

Создавалось впечатление, что Туманова решили жестко проучить. Ему давали более скудную еду, а накануне вечером вообще не принесли ужин, и сейчас мужчина невероятно хотел есть.

Раздался звук открывающегося замка, и Саша с надеждой посмотрел на вошедшего, ожидая услышать хорошие новости, что его переводят обратно в общую камеру. Или наконец принесли еду. Но сотрудник держал в руках сотовый. Заключенный переводил взгляд с мобильного на сотрудника СИЗО и обратно.

— Туманов, с вами хотят поговорить! — грубо произнес

вошедший мужчина.

— Это кто? — спросил Саша.

Но сотрудник молчал, протягивая телефон. Туманов взял сотовый и ответил:

— Слушаю!

— Санечек, — раздался до боли знакомый голос. — Как у тебя дела?

У мужчины от злобы потемнело в глазах и закружилась голова. В эту секунду он понял, что никогда не ошибался в своем друге, Рома и впрямь был не способен отправить его в карцер. Это было дело рук Вари, точнее, ее отца. Таким образом они пытались сломать Туманова и заставить его принять условия игры бывшей любовницы.

— Сука! — агрессивно произнес Саша.

Но Варя не обратила внимания на оскорбление и продолжила своим мармеладным голосом:

— Ну что, теперь есть разница, в какой тюрьме сидеть, Санечка?

— Так это ты все устроила? — пытаюсь держать себя в руках, повысил голос Туманов.

— Я же сказала, что хочу, чтобы ты был с нами. Со мной и маленьким Сашей. И я своего добьюсь.

— Да я лучше здесь сдохну, чем вернусь к тебе, — выплюнул слова Саша, которого вывела из себя данная ситуация.

— Уверен? Я думаю тебе не понравится то, что будет дальше, если ты откажешься уехать со мной из этого города, что-

бы начать с чистого листа, — голос Вари продолжал оставаться медовым, но в нем проскакивали железные нотки. Саша понял, что эта девица не сдастся, пока не сломает волю Туманова.

— Только через мой труп! — процедил сквозь зубы мужчина, отключился и вернул телефон сотруднику СИЗО.

Тот забрал сотовый и вышел в коридор, не закрывая дверь. Туманов, тяжело дыша, посмотрел в сторону конвоира, не понимая, почему он не запер камеру, как внезапно в нее вошли трое мужчин с дубинками. Саше не надо было объяснять, каким именно образом Варя намеревалась его добиваться. Никаких женских хитростей.

— Вы охренели? — повысил голос Туманов, понимая, что ему уже никто не поможет, и в следующую секунду получил первый удар дубинкой по спине.

Милана три дня не находила себе места. После погружения Ромы в прошлое девушка хотела узнать, произошли ли какие-то сдвиги в деле Туманова, но это было невозможно. Аня сказала, что Сашу перевели в карцер, и теперь от него нет вообще никаких вестей.

— Почему они это сделали? — нахмурилась Шувалова, которая в ту же секунду решила, что что-то пошло не так. Либо она все испортила, и Наварский лишь еще больше озлобился после путешествия во времени.

— Не знаю, — Аня говорила очень сдержанно, но в ее го-

лосе слышалось напряжение. — Он ничего путем не сказал. А теперь я даже не знаю, что с ним.

— Ты звонила Роме?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю, боюсь, что сделаю только хуже. Саша сказал, что это ненадолго.

Милана молчала, не зная, что сказать. Аня же после недолгой паузы продолжила:

— Три дня — это, вроде, мало. Или как? Я ничего не понимаю.

— У каждого свое ненадолго, — задумчиво произнесла Милана и, наконец, вслух озвучила то, что боялась сказать. — Может, это я виновата?

— Ты? Почему ты? — удивилась бывшая супруга Туманова.

— Ну, из-за того путешествия с Ромой, я тебе рассказывала.

Аня выдохнула и чуть тише ответила:

— Вряд ли, я знаю, как это работает. Плюс, ты сама говорила, что Рома был спокоен, в отличие от нас с Сашей.

И вот сейчас, после разговора с Аней, Милана думала, что делать. Но понимала, что теперь ей остается только ждать исхода. Ничего не длится вечно, и когда-нибудь Туманова выпустят из штрафной камеры, и девушка сможет с ним общаться.

Шувалова подошла к окну и, глядя на улицу, нахмурилась. Она четко понимала, что ей не хватает Саши. Она осознала, что за последнее время именно он помогал ей и находил выход, казалось бы, из тупиковых ситуаций. И вот сейчас, когда Туманов вновь нужен, его нет.

Милана стала раздумывать о собственном путешествии во времени с целью вновь встретиться с отцом. Она хотела дождаться Сашу и сделать это под его присмотром или с его помощью, но сейчас понимала, что пребывание коллеги в СИЗО затягивается и, возможно, затянется еще на неопределенный срок. Неизвестно, как Рома поведет себя дальше, и не навредила ли Милана своей работой Туманову.

Мертвый отец больше не появлялся в жизни Шуваловой, как и Михаил. Вера тоже не звонила, а значит, и у нее все было, насколько это возможно, нормально. Но Милана чувствовала, что это не конец, что мертвецы еще вернутся.

Размышляя об этом, девушка не заметила, что она стоит не в своей квартире у окна, а находится в своем деревенском доме и смотрит из окна своей детской спальни. Милана резко развернулась, и ее спина покрылась холодным потом. Внезапная смена обстановки напугала девушку, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, где она находится, и прийти в себя.

Дыша медленно и глубоко, Шувалова вышла в коридор и пошла в том направлении, в котором идти совершенно не хотелось. Она знала, что ждет ее в другой комнате, и сейчас

всеми силами готовила себя к тому, что увидит совсем скоро.

Милана ступила на порог большой комнаты и увидела отца под окровавленным пододеяльником. В эту же секунду из глаз девушки брызнули слезы. Сколько бы она ни крепилась, но не смогла сдержаться при виде мертвого отца.

— Пап, — сквозь слезы тихо произнесла Шувалова, подходя к спальному месту.

Девушка корила себя за то, что не оказалась в этом доме раньше. В эту секунду она поняла, что может все изменить и попробовать спасти отца от убийц. Она бы разбудила его и увела из дома. И тогда семья Шуваловых не останется без своего главы.

Милана вплотную подошла к мертвому отцу. На пододеяльнике было пять резаных ран от ножа, которые стали роковыми для Андрея Шувалова. Девушка резко сдернула простыню, и ее глазам предстал мертвый папа. Из горла Миланы вырвался вскрик, и она зарыдала, упав на колени. Положив голову на грудь отца, девушка пыталась убедить себя, что это все не по-настоящему, но тщетно. Мозг верил в то, что видели глаза. Папа мертв! Опять! И Милана снова проживала это травмирующее событие, параллельно пытаясь включить разум и понять, что она должна вынести из этого шага в прошлое. Если Саша, Аня и Рома усвоили какой-то урок из своих путешествий во времени и довольно быстро поняли, в чем он заключается, то у Шуваловой явно были с этим проблемы.

— Милаша, — раздался знакомый голос, и девушка повернула голову.

У противоположной стены стоял ее живой отец и удивленно взирал на дочь.

— Папа, — у девушки быстрее забилося сердце, и она спешно поднялась на ноги. — Так ты жив?

— Что происходит? — хмуро спросил Андрей Шувалов.

— Пап, я..., — Милана стала спешно вытирать слезы, — ... скучала по тебе.

Но мужчина как-то странно смотрел на свою дочь и молчал. Девушка же вспомнила, что в прошлый раз собиралась обнять своего отца и впоследствии очень жалела, что не сделала этого. Она только собралась подойти к нему, чтобы, наконец, исполнить задуманное, как Андрей резко шарахнулся назад, словно к нему приближался неприятель, а не родной человек.

Милана резко остановилась, непонимающе глядя на папу. Что-то изменилось, что-то в ее путешествии было не так, где-то закралась ошибка, и девушка не понимала, почему не может помочь себе.

— Папа, что происходит? — спросила она. — Я просто хочу тебя обнять.

Внезапно лицо Андрея Шувалова разгладилось, на лице будто появилась маска. Мужчина стал бледным, глаза блеклыми. Он отрицательно покачал головой и каким-то механическим голосом произнес:

— Нет, нельзя!

— Почему? — недоумевала девушка.

Но ответа не последовало. Мужчина словно превратился в восковую куклу, весь побелел и в следующую секунду рассыпался в прах. На полу остался лежать лишь пепел. Милана закричала и вернулась в собственную квартиру. Она все так же стояла перед окном и теперь кричала в открытую форточку.

Несколько секунд хватило, чтобы девушка пришла в себя и поняла, что путешествие закончилось. Она осмотрелась и закрыла лицо руками. После видения стало только хуже, и ее непонимание происходящего лишь усугубилось. У Миланы ничего не получилось, и ей очень был нужен Туманов.

— Саша, где же ты? — прошептала Шувалова.

Глава 38

Прошло еще четыре дня

Саша лежал на кровати с закрытыми глазами. Такого паршивого состояния, как физического, так и морального, у него не было давно. Неделя в карцере. Неделя без человеческого общения, без прогулок, без нормальной еды. Он не понимал, Варя хочет его вернуть, довести до психушки или банально прикончить?

Туманова избили два раза. Причем били не по лицу, чтобы не было заметных следов, а по телу. В итоге, ко всему прочему, болели мышцы и даже, казалось, кости. В некоторых местах на спине и животе виднелись кровоподтеки. Было больно дышать, шевелиться и даже просто лежать.

Мужчина чувствовал тотальную беспомощность. Рома, очевидно, до сих пор не знал, где находится Туманов. А если уже знал, то это очень плохой знак, что до сих пор ничего не предпринял, чтобы вытащить из карцера бывшего лучшего друга. Значит, Наварский солидарен с тем, что для Саши приготовила Варя, точнее, ее отец.

Непонимание того, сколько сейчас времени, и не ошибся ли он в подсчете дней, делало мужчину уязвимым и заставляло его сомневаться в своей адекватности. Не было ничего из того, за что можно было зацепиться, чтобы опереться и вновь почувствовать себя нормальным. Не осталось ничего,

кроме него самого.

За размышлениями Саша не заметил, как задремал. Ослабленный организм не мог больше бороться, хотелось лишь одного — чтобы все это поскорее закончилось. Находиться в собственном теле в подобных условиях превратилось в муку.

— Здравствуй, Александр, — раздался уже знакомый голос.

Саша тут же открыл глаза и увидел, что к нему направляется священник Волков, а сам Туманов сидит в церкви на скамейке.

— Отец Тимофей, — расплылся в улыбке Саша.

Священник подошел и сел рядом со своим нынешним воплощением.

— Последний раз мы виделись..., — начал Волков.

— В тот момент, когда вы меня спасли, — закончил Саша и, немного подумав, добавил, — причем сделали это не один раз.

— Ты в этом играл не последнюю роль, помни об этом, — священник хлопнул Туманова по плечу.

Саша, выдержав паузу, вновь спросил:

— А сейчас что? Неужели я скончался в той камере?

По спине Туманова пробежала дрожь, которую он не смог скрыть. От осознания, что его путь на земле закончен, стало не по себе. Мужчина был не готов вот так распрощаться с жизнью.

— Нет, нет, — улыбаясь, ответил отец Тимофей. — Так просто это не закончится.

— Тогда что? — немного выдохнув, задал очередной вопрос Саша.

— Еще один урок! — строго произнес Волков.

Туманов нахмурился, внимательно глядя на священника. А тот, смотря прямо перед собой, спросил:

— Зачем ты ищешь опору во внешнем мире?

— Не понимаю.

— В той камере, в которой сейчас твое тело, зачем ты пытаешься найти опору? Тебе нужны часы, чтобы знать время и опираться на это знание. Тебе нужно видеть небо, чтобы сделать из него «костыль». Тебе нужна еда по часам, чтобы контролировать и иметь расписание, которое поможет не сойти с ума в неизвестности. Зачем ты это делаешь?

— Потому что мне нужно не сойти с ума, как вы правильно сказали, — удивленно ответил Саша.

— Александр, все, что тебе нужно, находится за пределами не только той камеры, в которой ты находишься, но даже за пределами земной жизни. Тебе ли не знать?

Туманов внимательно смотрел на Волкова, пытаясь зацепиться за ход его мысли, но получалось слишком сложно. Отец Тимофей, понимая, что Саша не может уловить смысл сказанного, добавил:

— Ты думаешь, тебе плохо, потому что тебя засунули в карцер? Тебя сводит с ума не та тюрьма, а эта, — священник

ткнул пальцем в самого Туманова.

— То есть?

— Твое тело и есть тюрьма, в которую ты себя добровольно заключил. Выйди за пределы. Вспомни, что год назад говорил тебе Предвестник.

— Ты — это не твоё тело, — Саша и отец Тимофей произнесли эту фразу синхронно.

— Выйди из головы, мысленно переместись в другое место, — продолжал Волков, — стань выше. Ты это умеешь, как никто другой. Прекрати отождествлять себя со своим телом, и тогда ты перестанешь чувствовать все то, что чувствуешь сейчас. И тебе сразу станет легче. Я пришел, потому что ты начинаешь сходить с ума, а этого никак нельзя допустить.

— Это все Варя, — размеренно проговорил Туманов.

— Нет, это просто очередной урок для тебя! И он закончится, как только ты его усвоишь.

— Это может длиться долго, — произнес Саша и в следующую секунду сел на кровати в штрафной камере.

Увидев, что его окружает, у мужчины все внутри сжалось. Стены и потолок этой каморки давили на психику куда больше, чем думал сам Туманов. Он бы хотел вновь оказаться в стенах церкви с ее высокими потолками и огромным пространством. Саша невероятно захотел вернуться обратно в свой сон, чтобы хотя бы там почувствовать себя свободным, как вдруг вспомнил наставления своего прошлого воплощения.

Саша вновь лег. У него впереди уйма свободного времени. Завтрак только прошел. Бить, надеялся мужчина, его сегодня не придут. Есть возможность попробовать сделать то, что посоветовал ему отец Тимофей.

Туманов закрыл глаза. Терять было нечего, а советы Волкова всегда помогали.

— Рома, где Саша? — вместо приветствия Аня кричала в трубку, как потерпевшая.

— Саша? В СИЗО, — растерянно ответил следователь.

— В каком СИЗО? Его больше недели назад перевели в карцер, и все! Ни слуху, ни духу. Где мой муж?

Наварский растерялся. Он сидел в своём кабинете, погруженный в новое дело, и тут — звонок от Ани, который выбил его из колеи. Рома точно знал, что Саша сидит в СИЗО в общей камере с кучей поблажек по просьбе самого Наварского. И услышать от бывшей супруги Туманова, что тот переведён в карцер, было полной неожиданностью. Ему никто не докладывал об этом. Ему никто не докладывал о том, что Саша нарушил дисциплину.

— Аня, подожди, не кричи, — попытался успокоить девушку Рома. — Расскажи подробнее, что произошло?

Бывшая супруга Туманова, задыхаясь и тараторя, поведала о том, что уже неделю не знает, что с Сашей.

— Я не давал распоряжения переводить его в карцер, — растерянно произнес следователь, и в этот момент к нему в

кабинет влетел стажер. Молодой парень, запыхавшись, быстро проговорил:

— Роман Константинович, вас срочно вызывает к себе Ларионов.

— Сейчас договорю и приду, — ответил Наварский, который одним ухом слушал Аню.

— Это очень срочно, Роман Константинович. Владимир Игоревич сказал, чтобы вы немедленно зашли к нему.

«Черт?» — выругался про себя Рома.

— Анют, подожди, меня начальство вызывает, — произнес Наварский. — Я обещаю, что сегодня же разберусь, где Саша. Не переживай. И перезвоню тебе.

Рома отключился и пулей вылетел из кабинета.

— Владимир Игоревич, вызывали? — Рома зашел в кабинет начальника и закрыл дверь.

— Вызывал, — Ларионов заложил руки за спину и смотрел в окно. Когда вошел подчиненный, он даже не повернулся. — Присаживайтесь, Роман Константинович.

Наварский ни разу не видел начальника таким злым. Он словно из последних сил держался, чтобы не сорваться.

Рома сел и внимательно посмотрел на спину Ларионова, который спустя пару секунд повернулся и, стоя на том же месте, спросил:

— Роман Константинович, ответьте мне на вопрос. Где сейчас Туманов Александр Иванович?

Наварский побледнел, что было хорошо заметно на его вечно смуглом лице. Рома понятия не имел о том, что Ларионов вообще знает о существовании Туманова. Кроме того случая, когда начальник передал ему дело о нападении на Сашу, больше в разговорах он нигде не всплывал.

— Откуда вы знаете о Туманове? — ошарашенно спросил Наварский.

— Ответьте сначала на мой вопрос.

— Туманов Александр Иванович сейчас находится в СИЗО, — недовольно ответил Рома и отвернулся.

— По какой статье?

— По двести восемьдесят шестой.

— Угу, превышение полномочий, — как бы сам себе объяснил Ларионов. — И когда произошло это самое превышение полномочий?

Рома понимал, куда клонит начальник, и вновь нехотя ответил:

— В июне 2023 года.

— Сейчас май 2025 года. Почему все это время Туманов расхаживал на свободе? — Ларионов говорил строго, но было видно, что он слегка нервничает.

— Я не пойму, вы мне ставите в вину то, что он не сел раньше? Или то, что он сидит сейчас? — Наварский тоже начинал злиться.

— Что, собственно, означает одно и то же, — подытожил Ларионов и сел на свое место. — Рома, почему Саша в кар-

цере?

— Это было не мое распоряжение, — выдохнул Рома.

— А чье? И почему вообще Туманов сидит в СИЗО?

— Я уже ответил, по статье за превышение полномочий...

— Я не об этом! — строго прервал подчиненного Ларионов.

Мужчины вперились друг в друга взглядом и молчали. Рома не знал, что сказать. Он уже осознал, что перегнул с Тумановым, и собирался сам его выпустить. Но кто-то похлопотал за бывшего лучшего друга, и теперь вся эта ситуация дошла до Ларионова, чего Наварский никак не ожидал. Он не думал, что сам начальник следственного управления будет заниматься делом бывшего начальника уголовного розыска Туманова.

— Я ошибаюсь, или вы с Александром хорошие друзья?

— Владимир Игоревич сложил локти на столе и прищурил глаза.

— Ошибаетесь, мы были хорошими друзьями, — буркнул Рома и опустил глаза, не желая развивать эту тему.

— И что произошло, что вы раздружили?

— Извините, но это наше с Сашей дело.

— Теперь это и мое дело! И я хочу знать, что произошло, что твой лучший друг, Рома, — имя подчиненного Ларионов проговорил чуть громче, и Наварский поднял на него глаза, — сидит в СИЗО за превышение полномочий спустя почти два года? И почему ты не отправил его за решетку раньше?

Ром молчал. Кажется, впервые в жизни он не знал, что сказать. Откровенно поведать начальнику о том, что сделала с ним Лариса? Но это означало выставить себя обиженным пацаном. И сейчас Наварский вполне это осознал. Не говорить ничего, но Ларионов с него не слезет. Соврать? Самое худшее решение.

— Хорошо, давай я тебе помогу, — кивнул начальник и добавил. — Соловицкая Лариса Алексеевна. Это имя тебе о чем-нибудь говорит?

Внутри Ромы все упало. Последнее, что он ожидал услышать от Ларионова — это о Туманове. Самое последнее — о Соловицкой.

— К сожалению, — грубо ответил Наварский, и в этот момент Владимир Игоревич понял, насколько больную тему он затронул.

Ларионов очень хорошо относился к Наварскому. Считал его не только одним из лучших сотрудников, но и хорошим человеком. И ни в коем случае не хотел давить на больное. Но и отношение к Туманову у начальника поменялось в корне. И теперь Владимир Игоревич разрывался меж двух огней. Он не хотел портить отношения с Ромой, но в то же время намеревался помочь Саше.

— Я все знаю, Ром, — выдохнул Ларионов, заговорив более мягким голосом. — Я вообще все знаю!

Наварский посмотрел на него из-под своих черных бровей.

— И я могу сложить дважды два и понять, почему Туманов сейчас отдыхает не просто в СИЗО, а уехал практически на курорт в карцер.

— Это правда не я. Сашу определили в общую камеру, и я распорядился, чтобы у него было масса послаблений. Он мог звонить по телефону в любое время. И я сам только что узнал от его бывшей жены, что она не может с ним связаться, потому что Саша внезапно оказался в карцере. Мне даже никто не доложил.

Ларионов нахмурился и спросил:

— Тогда кто это сделал?

— Понятия не имею, — пожал плечами Рома.

— Он мог нарушить дисциплину?

— Теоретически мог, но, мне бы все равно доложили, а тут просто тишина.

— Любопытно. Сможешь узнать, чье это было распоряжение?

— Конечно.

Владимир Игоревич потер шею и заговорил с подчиненным, как с сыном:

— Ром, я понимаю твоё желание отомстить своему другу за то, что с тобой произошло, но ложка хороша к обеду.

Наварский не сводил глаз с начальника, а тот продолжал:

— А также я понимаю твоё желание прикрыть своего лучшего друга. Возможно, я сделал бы так же, не знаю. Но знаю одно. Если ты посадил Туманова из чувства мести за свою

неудавшуюся личную жизнь, а не из чувства справедливости, не для того, чтобы защитить закон и людей, а потому что был в моменте уязвлен, то этим ты себе не поможешь. Легче тебе не станет.

— Я уже все понял, — ответил Рома, который и вправду осознал, что Саша может и заслужил сесть в тюрьму за убийство задержанного, но Туманов явно был не виноват в неудавшемся романе Наварского.

— Рома, подумай, кто ты в первую очередь, — продолжал Ларионов, — следователь или друг.

Наварский продолжал смотреть на начальника, догадываясь, что тот скажет дальше.

— Сашу надо выпустить немедленно! И найти тех, кто засунул его в карцер, — твердо произнес Владимир Иванович.

— Я и сам планировал это сделать.

— Доложишь мне потом, кто такой умный.

— Обязательно, — кивнул Рома, вставая со стула.

Он уже собирался выйти из кабинета, но тут Ларионов чуть тише произнес:

— Рома помирись с Сашей. Я знаю, что вы дружите с ним с детства. Переступи через свою гордость. Туманов не виноват в том, что тебе не повезло.

— Откуда вы знаете, что мы дружим с детства? — нахмурив брови, спросил Наварский, силясь понять, кто же все-таки похлопотал за Сашу.

Рома приехал к следственному изолятору изрядно накрученный. А когда шел по коридору, то создавалось ощущение, что облей следователя холодной водой, и от него пойдет дым. Он поверить не мог, что Саша сейчас находится в карцере. Неожиданно для себя Наварский понял, что злится не потому, что кто-то нарушил его приказ, а потому, что бывший лучший друг сейчас сидит в карцере, как бездомный пес.

— Кто распорядился перевести Туманова в штрафную камеру? — рывкнул Рома, как только вошел в СИЗО.

— Я ничего не знаю, — испуганно ответил один из слушающих. — Нас в тот день не было на смене.

— Бардак развели! Ведите меня к нему.

И вот сейчас, шагая по коридору, который освещал тусклый свет лампочек, Наварский пытался успокоиться. Он надеялся, что с Сашей все в порядке и у них не начнется игра наоборот — когда Туманов не захочет мириться с Ромой.

Саша лежал на боку на кровати с закрытыми глазами, когда открылась камера. Туманов понял, что для кормежки еще рано, а значит, все плохо.

— Бить меня пришли? — грубо спросил заключенный.

— Саша, выходи! — внезапно раздался до боли знакомый голос.

Туманов поднял голову и увидел Рому. Тот смотрел на друга виноватыми глазами, словно задавал немой вопрос: «Как ты?»

Саша медленно сел и внимательно посмотрел на Навар-

ского.

— В общую? — спокойно спросил Туманов, в голосе которого не было ни капли сарказма.

— Нет, на волю, — ответил Рома и, махнув рукой, добавил. — Пошли.

Саша встал, продолжая смотреть на Наварского. Бывший заключенный медленно подошел к порогу и встал напротив Ромы. В следующую секунду друзья крепко обнялись, из глаз взрослых мужчин покатались скупые слезы. Конвоир растерялся, непонимающе глядя на представшую перед ним сцену.

Туманов и Наварский одновременно внутренне выдохнули. Сейчас произошедшая ссора казалась обыкновенной ерундой. Рома, обнимая исхудавшего Сашку, вообще не понимал, как он мог так долго злиться на лучшего друга.

Саша же чувствовал, что все наконец встало на свои места. Так и должно быть.

— Тебя вообще кормили? — спросил Наварский, глядя на небритого Туманова.

— Вообще кормили, — кивнул Саша, смахивая слезы.

— Интересно, кто это сделал...

— Варя, точнее, ее отец.

— Рощина? — воскликнул на весь коридор Рома. — Она объявилась?

— К сожалению.

— Тогда понятно, почему ты здесь, — Наварский задум-

чиво глядел в сторону. — Я разберусь!

Туманов кивнул, а Рома спросил:

— Домой тебя отвезти? Поди, соскучился по семье?

— Соскучился, не то слово. Но давай сначала к тебе. Сто лет не общались.

— Всего лишь четыре месяца, — весело ответил Наварский, который был рад такому предложению. — Поехали, друг!

Глава 39

— Анечка, со мной все хорошо. Я сейчас у Ромы, — Саша говорил с бывшей супругой по телефону, попутно помогая накрывать другу на стол.

— У Ромы? — не поверила своим ушам Аня. — Надеюсь, драться не собираетесь?

— Нет, не планируем.

— Саш, я соскучилась! Очень! — девушка сказала это не для того, чтобы Туманов поскорее вернулся домой. Из нее это вырвалось. Сейчас она была счастлива от осознания того, что лучшие друзья наконец-то помирились.

— Я тоже, любовь моя. Вечером обязательно буду дома.

— Уже вечер, Туманов, — деланно строго произнесла Аня, глядя на часы, которые показывали начало седьмого.

— Это вечер для детей, а не для взрослых мужиков.

— Взрослые мужики дулись хлеще девочек несколько месяцев.

— Именно поэтому и дулись, — засмеялся Саша.

Аня тоже улыбнулась и тихо добавила:

— Жду тебя!

— Целую!

Туманов отключился и глянул на стол, который ломился от угощений: жареная картошка, мясо, соленые огурцы и помидоры, и многое другое.

— Соленья твоей матушки? — спросил Саша.

— Да, уже остатки, — кивнул Рома, ставя стопки.

— А пить мы что будем?

— Коньяк, — отрапортовал Наварский и достал из шкафа полуторалитровую бутылку с коричневой жидкостью. — На работе подарили.

— Как бы мне под столом не оказаться от таких объемов, — округлил глаза Туманов, который чувствовал себя неважно после карцера.

— А мы по чуть-чуть.

За душевными разговорами друзья не заметили, как проскочило несколько часов. Мужчины рассказывали друг другу все то, что произошло с ними за то время, что они не общались. Рома поведал, что сидит на антидепрессантах и уже хочет с них слезать. А также рассказал, что все, что его держало все это время — работа и тренажерный зал.

У Саши было куда больше захватывающих историй: нападение Агеева-старшего, суицид Светы, примирение с Аней и рождение их второй дочери.

— Бедная Анюта, такое пережить, — качал головой уже слегка подвыпивший Рома, слушая рассказ о том, как Туманова ранили на ее глазах. — С ребенком все хорошо?

— Да, мы Алинку называем золотым ребенком, — кивнул Саша, который был чуть пьянее, чем его друг. — Лиза с самого рождения была активной: мало спала, плакала, всегда хотела быть на руках. Алина принимает эту жизнь такой, ка-

кая она есть.

— Хочу с ней познакомиться!

— Обязательно познакомишься, — улыбнулся Туманов и тут же добавил. — Аня с Лизой тоже будут рады тебя вновь увидеть.

— Давай выпьем за здоровье твоих родных, — Наварский поднял стопку.

— И за твоих тоже.

Друзья чокнулись и залпом выпили коньяк. Рома отправил огурец в рот и, жуя, спросил:

— А ты знаешь, Санек, кто за тебя похлопотал?

— Аня, видимо, — предположил Туманов, который знал, что его бывшая супруга умеет драться как лев, когда приходит такая необходимость.

— Нет, — помотал головой Наварский, загадочно глядя на лучшего друга.

— Значит, ты, — Саша наколот кусок мяса и съел его. — Не Варя же проявила душевность и человеколюбие.

— Нет, не я. И уж точно не твоя бывшая любовница.

— Кто тогда?

— Твой отец.

Саша, который до этого боролся с картошкой, пытаясь зацепить ее вилкой, тут же остановился и вскинул глаза на друга.

— Отец? — удивленно спросил Туманов, не веря, что именно это он сейчас услышал.

Наварский довольно покивал головой и произнес:

— Меня сегодня Ларионов вызывает...

— Владимир Игоревич? — уточнил Саша, и тут же словил изумленный взгляд Ромы.

— Я вот только одного не пойму, откуда ты его знаешь? Ты уже не работал в органах, когда его назначили.

— Долго объяснять, — потер глаза Туманов.

— А я никуда не тороплюсь, — произнес Рома, и Саша, выдохнув, рассказал о девочке Маше, которую похитил друг ее папы. — А потом выяснилось, что он уже обо мне знает, с отцом вместе учился.

— Тогда понятно. Видимо, Иван Тихонович позвонил Ларионову, а тот дал разгону мне, — сопоставил факты следователь.

— А отец как узнал? — спросил Саша, и друзья, глядя друг на друга, задумались.

— Ты у него сам спроси, — чуть погодя предложил Рома.

— Может, Аня?

— Может, Аня, — согласился Наварский. — Эта девушка любит тебя и будет защищать до последнего вздоха. Так же, как и я.

С этими словами Рома опустил глаза и замолчал.

— Спасибо! — внезапно произнес Туманов, и Наварский вновь посмотрел на друга.

— За что? За то, что посадил тебя в СИЗО?

— И за это тоже! Даже карцер пошел мне на пользу, —

ответил Саша, вспоминая свой опыт переноса сознания из камеры в другое место. Волков дал ему хороший совет, и этот совет сработал.

Друзья внимательно смотрели друг на друга, когда Рома вдруг серьезно произнес:

— Я так злился на тебя, Санчо!

Саша молчал, давая другу возможность выговориться.

— Я тебя ненавижу и себя ненавижу за эту ненависть. Меня изнутри на части рвало. С одной стороны, мне дико тебя не хватало, но с другой — меня душила злоба за то, что со мной сделала Лариса. А потом, — Рома разлил коньяк по стопкам и добавил, — к нам в отдел пришло дело. Один мужчина напал на другого с ножом во дворе жилого дома. В итоге — труп.

Туманов не понял, с чего друг так резко перескочил с одной темы на другую, и пытался понять связь.

— Туманов Александр Иванович..., — Наварский сосредоточенно смотрел на Сашу.

— Не понял.

— ...умер в больнице, не приходя в сознание.

По коже Туманова пробежал холодок, и он даже слегка протрезвел от полученной информации. Мужчина был в шоке от того, что в следственный пришло его дело. И хотя Саша догадывался, что Рома знал о его ранении, но все же услышанное повергало в шок.

— Но я же не умер, — удивился Саша.

— Вот и я о том же, — грустно кивнул Рома, вспоминая события тех дней. — Ты даже не представляешь, что я пережил в тот час, когда пытался дозвониться до больницы. Я звонил Ане, но она не брала трубку.

— Она только родила Алину.

— Теперь-то я это знаю, но в тот день, господи, — Рома откинулся на спинку стула, — я понял, какой я дурак, что разругался с тобой. Вот это понимание, что ничего исправить нельзя, врагу не пожелаешь.

— Подожди, — Саша все еще пытался собрать информацию воедино. — Почему к вам пришло дело, если я был жив?

— Твое сердце останавливалось три раза. Последняя остановка была целых шесть минут. Скорее всего, решили, что ты все, я не разбирался, — с этими словами Рома сложил локти на столе. Мужчина немного помолчал и наконец признался. — Я был у тебя в реанимации.

— В реанимации? — воскликнул Саша, на которого неожиданные новости сыпались одна за другой.

— Угу, — кивнул Наварский, и его глаза заслезились. — Полетел сразу, как узнал, что ты жив.

Туманов расстроено смотрел на друга. Он чувствовал все его эмоции, все, что пережил Ромыч в тот самый момент, когда увидел Сашу на грани смерти.

— Помню, смотрю на тебя и думаю, что как только ты очнешься, сразу же приеду мириться, — добавил Наварский и вытер слезы.

— В итоге упек меня за решетку, — улыбнулся Саша. — Странное у тебя понятие о перемирии.

Рома тоже улыбнулся и ответил:

— Настроение паршивое было. Таблетки почему-то не всегда срабатывали. Меня так накрыло, и я отправил тебе повестку, решил пугануть. Я не собирался тебя сажать.

«Значит, я правильно в тот момент почувствовал», — вспомнил Саша.

— И почему же посадил? — спросил Туманов.

— Увидел тебя с той блондинкой и решил, что ты изменяешь Ане. Опять!

Саша тут же вспомнил встречу с Ромой в магазине, в тот самый момент, когда они с Шуваловой устроили охоту на Михаила.

— Это была Милана, моя коллега. Мы не любовники, — замотал головой Туманов.

— Милана? — переспросил Наварский, и Саша кивнул. — Красивое имя! В общем, я решил, что ты взялся за старое. У тебя семья, Аня к тебе вернулась, и ты вновь налево.

— И ты решил отомстить за Аню?

— Мне правда стало за нее обидно. Я ее люблю как сестру, и мне надоело все эти годы наблюдать, как она страдает. Вот я и психанул, решил тебя проучить.

— Получается, сидел я не за тебя и не за Ларису. И даже не за Агеева-младшего. А за свою любимую женщину, — рассудил Саша с улыбкой на лице.

— Получается, так, — кивнул Рома и тоже улыбнулся.

— Что ж, за нее я готов сидеть сколько угодно, — добавил Туманов и друзья рассмеялись.

Наварский поднял стопку, Саша тоже, мужчины чокнулись и выпили.

— Так, а потом что? — спросил Туманов. — Мой отец позвонил Ларионову, а тот сказал тебе, чтобы ты меня выпустил?

— Я уже и сам собирался это сделать, немного не успел.

— И что тебя сподвигло?

— Не поверишь, хотя нет, поверишь. Ты у нас специалист по всяким мистическим делам.

Саша затаил дыхание. Он до сих пор не знал, получилось у Миланы поработать с Ромой или нет. И, кажется, сейчас лучший друг сам об этом расскажет. И был прав. Наварский пустился в рассказ о том, как у него возникло странное видение, в котором он просмотрел всю свою дружбу с Сашей и, наконец, все понял.

— Что именно? — недоумевал Туманов, слушая историю про грязный сосуд.

— Я всю жизнь осуждал тебя. Я осуждал твое отношение к женщинам. Я считал, что ты ведешь себя неправильно. Что ты совершенно не ценишь свою супругу, свою семью, все, то что тебе даровали свыше. Я не завидовал, нет, не подумай, — замотал головой Рома. — Я именно всегда осуждал тебя и не заметил, как это осуждение стало частью меня. Причем я

даже не придавал значения тому, что это было во мне. Я это понял только в тот самый момент, когда посмотрел на себя со стороны. Оказывается, осуждение — это такая дрянь, которая кажется мелочью. Но проникает она глубоко и пускает свои крепкие корни.

— Ничего себе видение! — воскликнул Саша, который никогда не думал про произошедшую ситуацию с Соловицкой с этой стороны.

Туманов всегда считал виноватым себя в том, что произошло с его лучшим другом. А оказалось, что это была лишь внешняя причина. На самом деле все это породил сам Наварский, и теперь все встало на свои места.

— А правда в том, что у тебя свой путь, а у меня свой, — продолжил Рома. — И мы все живем эту жизнь, как умеем. Не только ты и я, но и другие люди. И дело не в тебе, не в Агееве и не в Ларисе, а только во мне. И осуждать тебя я не в праве. В итоге грязи во мне стало очень много, и появилась Лариса. Санитар леса, твою мать, — горько усмехнулся Рома, — и полечила меня. И ты знаешь, мне правда стало легче. Я вдруг понял, что, когда причина кроется в тебе — это намного легче решить, чем, когда ты виноватишь другого. Ведь если виноват другой человек, это как бы снимает с тебя ответственность, а ты сам ничего не можешь исправить. Но если ты делаешь ответственным за произошедшее себя, то все можно исправить. И в итоге ты из обиженного пацана становишься взрослым мужчиной, который сам управля-

ет своим счастьем и своей жизнью.

— Надо за это выпить, Ромыч! — Саша взял бутылку с коньяком. — Ты мне сейчас такую лекцию прочитал, я бы сам до нее никогда не додумался.

— Учился у лучших, — улыбнулся Наварский и, подняв стопку со стола, добавил. — Санчо, я так хочу встретить свою любовь. Давай выпьем за это?

— Обязательно встретишь! — пообещал Туманов, и друзья опустошили стопки до дна.

Саша вернулся домой, когда часы пробили полчетвертого утра. Невероятно пьяный, он изо всех сил держался, чтобы не заснуть в такси, с большим трудом дошел до своего подъезда и поднялся к себе на этаж.

Аня, которая глаз не могла сомкнуть, тут же кинулась к Туманову и крепко обняла его. От Саши сильно пахло алкоголем и чем-то еще, что мужчина, очевидно, притащил из СИЗО, но сейчас ей было на это наплевать.

— Я так по тебе соскучился, малыш, — прошептал на ухо любимой Туманов.

— Я тоже, — Аня посмотрела на своего бывшего супруга и тихо спросила, чтобы не разбудить детей. — Ты как?

— Сейчас отлично, но завтра будет сильнейшее похмелье, — еле шевеля языком, ответил Саша и поцеловал Аню в губы. — Я в душ и спать. Мы с Ромой очень хорошо посидели. Теперь всю оставшуюся жизнь я готов посвятить вам.

Аня улыбнулась и тихо произнесла:

— Иди.

Туманов, покачиваясь, пошел в сторону ванной. А Аня медленно выдохнула и вытерла слезы. Никогда бы она не подумала, что будет рада видеть своего бывшего мужа в стельку пьяным. Она была счастлива, что Саша наконец дома. И была не менее счастлива, что Туманов и Наварский в итоге помирились.

— Он вновь появился, — недовольно процедил Саша.

— Кто? — не понял Артем, который с аппетитом уплетал суп.

— Тот тип, который ходил за мной везде.

Друзья сидели в столовой недалеко от следственного комитета и обедали. Но Туманову кусок не лез в горло. Накануне вечером он вновь заметил за собой слежку. Тот же самый мужчина, который усиленно скрывал свое лицо, стоял на углу соседнего дома и внимательно наблюдал за Сашей. Последний в порыве ярости кинулся за наблюдающим, но упустил его.

— Странно, — пробормотал Артем, — чего ему надо?

— Не знаю. Я вчера попробовал его догнать, но тот скрылся, — ответил Туманов гоняя ложку по столу.

— Может, ребят к тебе приставить? Будут тебя сопровождать на другой машине и, возможно, смогут проследить за тем сталкером.

Саша, нахмурившись, молчал, не зная, что на это ответить. Мало того, что с его сознанием происходит что-то неладное, и он упорно не может забыть некую Аню, о которой не имеет никакого понятия. Так тут вновь нарисовался этот тип, которому непонятно, что надо.

— Сань, — позвал Темыч.

Туманов вскинул глаза на друга и ответил:

— Я тут. Просто думаю.

— О чем? Соглашайся на мое предложение. Парни поймут его, выяснят, чего ему надо, и тебе уже будет спокойнее.

— Да, наверное, ты прав, — рассеянно ответил Саша. — Мне так будет спокойнее.

«Если бы твои ребята помогли мне выяснить, кто такая Аня, я был бы этому рад намного больше», — подумал про себя Туманов.

Глава 40

— Саша, как я рада, что все получилось. Мне столько надо тебе рассказать, — Милана громко тараторила в трубку.

Еще накануне ей написала Аня, что Сашу наконец выпустили из СИЗО, и Шувалова не могла дождаться следующего дня, чтобы набрать коллегу.

— Милана, прошу тебя, не кричи. Башка раскалывается, — ответил Туманов, которого сегодня настигло самое ужасное похмелье за всю его жизнь.

— Я не могу не кричать, столько новостей, мы срочно должны увидеться.

— Можно я сегодня побуду со своей семьей? А завтра буду готов уделить тебе все свое время.

— Можно, — резко ответил Милана. — Только скажи, у меня же получилось? Я видела твоего Рому и сопровождала его на пути в прошлое.

— Сопровождала? — удивился Саша. — Как это?

— Ну, я вместе с ним проходила по местам его памяти. Видела вас в детстве и юности вместе. Видела, как Лариса вас чуть не убила, жуткое зрелище, честно говоря.

Туманов растерялся. В своих путешествиях в прошлое он был один, да и Аня проживала свою боль в одиночестве. Милана в этот момент лишь находилась рядом и просто направляла голосом. Почему получилось так, что Шувалова оказа-

лась вместе с Ромой в его прошлом?

— Очень странно, — пробормотал Саша, лежа на кровати.

— Я тоже удивилась. Но самое интересное, что твой друг был необычайно спокоен. Я думала ему будет сложно все это принять, но он оказался крепким парнем.

— Скорее мудрым, все довольно быстро осознал и принял. Ты ему здорово помогла и мне тоже. Спасибо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.